

ИННА ИНФИНИТИ

Я ТЕБЕ
Прости
ИЗМЕНИЛ

Инна Инфинити

Я тебе изменил. Прости

«Литнет»

2025

Инфинити И.

Я тебе изменил. Прости / И. Инфинити — «Литнет», 2025

— Я тебе изменил. Прости. Слова мужа оглушают. Отшатываюсь назад, но упираюсь спиной в холодильник. Лицо супруга расплывается из-за пелены слез перед глазами. — Я ошибся, оступился. Я раскаиваюсь и прошу у тебя прощения. Мы столько лет женаты, у нас дочь... — Надо было думать об этом, когда ложился в постель с другой, — перебиваю. — Боже... Отворачиваюсь от мужа и закрываю ладонью рот, чтобы не разрыдаться униженно. — Прости меня, Вера, — произносит пылко. — Если хочешь... Измени мне тоже в отместку. Но только не разрушай наш брак. Шестнадцать лет счастливого замужества, дочь-подросток, успешный бизнес. Я думала, наша семья нерушима. Но однажды муж признался в измене и разрешил изменить ему в ответ. Вскоре супруг очень об этом пожалел... НЕ МЖМ!!!

Содержание

Глава 1. Телефонный разговор	5
Глава 2. Планерка	8
Глава 3. Семья	10
Глава 4. Боль	13
Глава 5. Утро	15
Глава 6. Прости	18
Глава 7. Не плачь	20
Глава 8. Вопросы	24
Глава 9. Она	26
Глава 10. Встреча выпускников	28
Глава 11. Измена	30
Глава 12. Иллюзия счастья	32
Глава 13. Ложь порождает новую ложь	34
Глава 14. Безумец	36
Глава 15. Развода не будет	38
Глава 16. Свинцовая тяжесть	40
Глава 17. Поцелуй	42
Глава 18. Это навсегда	46
Глава 19. Всё разрушил	50
Глава 20. Голая правда	53
Глава 21. Белое пальто	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Глава 1. Телефонный разговор

— Зачем ты опять звонишь? Я же сказал, чтобы ты больше мне не звонила!

Проходя мимо двери ванной, в которой несколько минут назад скрылся муж, неожиданно для самой себя притормаживаю. Уж слишком меня удивило, что вместо шума льющейся воды я слышу его раздраженный голос. Явно с кем-то по телефону разговаривает.

— Нет и еще раз нет! — повышает тон. — У меня есть жена, дочка, семья!

Я знаю: подслушивать нельзя. Но услышав про себя и нашу дочь, ноги словно свинцом налились и приросли к полу. С кем Давид разговаривает?

— Послушай, с моей стороны это была ошибка. Я сильно об этом сожалею. Я не давал тебе никаких надежд и обещаний. Хватит мне звонить с каких-то непонятных номеров. Ты скоро доведешь меня до того, что я вообще перестану поднимать трубку на незнакомые номера. Всё, разговор окончен.

Вот теперь из ванной полился звук воды, а я так и стою, растерянно глядя на дверь. Очень странный разговор Давида прилетел мне словно камень по голове. В груди что-то неприятно кольнуло, по позвоночнику пробежал легкий мороз.

С кем только что разговаривал мой муж?

С клиентом? Нет, такого тона с клиентами он не допускает, даже с самыми бесячими из них. С кем-то из друзей? Не представляю, с кем из друзей Давид мог так грубо говорить. С родственниками? Тоже вряд ли. Слишком странное содержание разговора.

Я так углубляюсь в мысли, что не замечаю, как вода перестала шуметь. Неожиданно дверь ванной распахивается, Давид делает шаг в коридор, но увидев меня, растерянно застывает на месте.

— Тебе в ванную? — спрашивает после секундной заминки.

— Нет, я уже собралась, — отмираю. — Ну, я поеду?

— Да, сегодня ты в офис без меня. Я сейчас на встречу.

— Я помню, что у тебя утром встреча.

Мы замолкаем и глядим друг на друга. Возник такой неловкий момент, какой обычно бывает, когда двое людей хотят что-то сказать, но не решаются. Я хочу спросить, с кем Давид разговаривал по телефону. А он наверняка хочет спросить, почему я стою под дверью.

— Мам, пап, я пошла в школу, — мимо нас пролетает Майя.

Появление дочки спасает нас обоих. Буркнув «Удачи в школе», Давид устремляется в сторону гардероба с его костюмами. Я иду проводить ребенка. Майя надевает пальто, ботинки и вешает на плечо сумку с учебниками.

— До вечера, мам, — целует в щеку.

— До вечера, пиши мне.

— Хорошо.

Когда за дочкой захлопывается дверь, я тоже принимаюсь надевать верхнюю одежду. Вызываю такси, отвечаю на сообщение в рабочем чате, но мыслями я не здесь. Мыслями я все еще под дверью ванной слушаю разговор Давида с непонятным собеседником. Почему-то слегка трясутся пальцы, и в рукав пальто я попадаю только со второго раза. А такси замечаю, когда машина сигналист.

Обычно мы с Давидом ездим на работу вместе. У нас свой бизнес — компания по кибербезопасности. Мы выпускаем программы, которые помогают сайтам защищаться от хакерских атак. Муж — генеральный директор и основатель, а я руководитель юридической службы. У нас отличный тандем дома и на работе. Мы любим друг друга и счастливы. У нас замечательная пятнадцатилетняя дочь. У нас успешный бизнес.

Но что за странный разговор был утром у Давида и почему я испытываю чувство тревоги? Пока доезжаю до офиса, меня несколько раз бросает то в жар, то в холод. В голову лезут разные дурацкие мысли. А что, если Давид говорил с лю...

Боже, что за бред, обрываю себя. Даже думать о таком дико. Нет у Давида никакой любовницы. Муж верен мне.

Да мало ли с кем Давид мог грубо разговаривать! Последние пару недель он сам не свой: дерганый, злой, неразговорчивый. К тому же Давид далеко не самый добрый и мягкий начальник. На совещании только так три шкуры спустить может. Даже мне порой достается. На работе Давид относится ко мне не как к жене, а как к подчиненной. Первое время я обижалась, потом привыкла.

В офисе, погрузившись в работу, мне удастся отвлечься. Задач много, учитывая, что в последние пару недель я выпала из процесса. Сначала была в командировке, потом болела. Сегодня у меня первый рабочий день после больничного.

В двенадцать я иду в конференц-зал на планерку и сажусь на свое место рядом с начальницей отдела кадров. Оглядываю коллег, которых не видела две недели, и неожиданно замечаю новое лицо.

— А это кто такой? — указываю кадровичке на незнакомого парня.

Очевидно, новый сотрудник, о приеме которого муж мне не рассказал.

— Новый айтишник, Тимур зовут, — отвечает кадровичка. — Очень талантливый. Учился у нас и в Америке. Я полгода старалась заполучить его. Давид Сергеевич сказал, уволит меня, если Тимур пойдет к конкурентам, а не к нам, — склоняется к моему уху и почти шепчет. — У него зарплата выше, чем у кого-либо в компании. Почти такая же, как у Давида Сергеевича.

Разглядываю парня лет примерно двадцати семи или двадцати восьми и чувствую, как больно сосет под ложечкой. Я не понимаю, почему Давид не рассказывает мне о таких важных вещах. Муж, оказывается, полгода охотился за одним конкретным айтишником, выложил ему почти свою зарплату, а мне даже словом ни разу не обмолвился. Мы женаты шестнадцать лет и строили нашу компанию вместе. Я имею право знать такие вещи.

— А давно этот айтишник работает?

— Две недели.

Две недели. Из которых первую я была в командировке, а вторую болела. Не выдерживаю и пишу мужу сообщение:

«Почему ты не рассказал про нового айтишника?»

Ответ приходит сразу:

«А это важно для тебя? Ты не будешь пересекаться с ним».

Ну да, не буду. Я всего лишь начальник юридической службы. С айти-отделом практически не взаимодействую.

Мне хочется написать мужу новое сообщение с вопросом, где его так долго носит. Совещание должно было начаться десять минут. Очевидно, Давид задерживается на утренней встрече. Но почему так долго?

Новый айтишник — Тимур, кажется? — даже по внешнему виду отличается от всех присутствующих. Вместо деловой одежды на нем белоснежные кроссовки, от которых слепнут глаза, такие же белоснежные джинсы и голубая рубашка.

— Неформальный стиль в одежде — одна из поблажек, которую Давид дал новому айтишнику? — спрашиваю у кадровички.

— Да. Тимур сразу сказал, что не будет ходить на работу в брюках и пиджаке. Это противоречит его мировоззрению.

Меня разбирает смех. Тимур заканчивает разговаривать с директором по продуктам. Хочет сесть за стол, но его задерживает девушка из пресс-службы. Что-то тараторит с дурацкой

улыбкой на лице. Глядит на него как собачонка. Айтишник выслушивает ее, коротко отвечает, гладит по плечу, игриво подмигивает и опускается на стул напротив меня.

Кажется, незамужние сотрудницы до тридцати лет нашли новый предмет обожания. Девочка из пресс-службы не единственная, кто глядит на Тимура с восторгом и трепетом. Вон две из бухгалтерии глаз с него не сводят и слюни пускают. Да и моя подчиненная, молоденькая девочка-юрист, аж приосанилась вся. То-то я сегодня утром подумала, чего это она сменила очки на линзы.

Тимур откладывает телефон в сторону и поднимает лицо ровно на меня. Это настолько неожиданно, что я машинально подаюсь назад, но упираюсь в спинку кресла. Тоже зачем-то гляжу на него. Но я так, чисто из любопытства. Новый сотрудник, которого мой муж, оказывается, полгода заманивал. А вот айтишник смотрит на меня нагло, дерзко, с хищной полуулыбкой. Словно товар оценивает. Так пялятся на девочек в коротких платьях в ночных клубах, а не на жен своих начальников.

Без малейшего зазрения совести айтишник продолжает изучать меня дальше. Его каре-зеленые глаза спускаются с моего лица куда-то в район груди и там останавливаются. Одна бровь Тимура медленно ползет вверх. Затем он снова поднимает глаза на мое лицо и издает ироничный смешок.

Что он там увидел? На мне обычная строгая блузка. Машинально опускаю взгляд и... О, Боже! У меня расстегнулась одна пуговица и оголила кружевной лифчик. Жар моментально приливает к лицу. Я тороплюсь застегнуть дурацкую пуговицу, но, как назло, пальцы задрожали и получается не с первого раза. Снова вздергиваю на айтишника лицо. Он удобно опустился спиной на кресло, скрестил руки и тихо посмеивается, глядя на меня.

Глава 2. Планерка

Я хочу провалиться сквозь землю. Такого со мной еще не случалось. Айтишник продолжает плясать. Уже без смеха, а заинтересованно.

От позора меня спасает муж. Дверь конференц-зала резко распахивается, и влетает Давид. С появлением супруга тихий гул голосов прекращается, все моментально вытягиваются по струнке. Давид падает на кресло во главе длинного деревянного стола. Мне аж смотреть на мужа страшно. Он чернее тучи.

— Итак, я вас всех поздравляю с тем, что мы потеряли одного из крупнейших клиентов.

Все-таки это случилось, думаю с горечью. Банк не продлил с нами контракт. Уж сколько переговоров мы с ними провели, и скидку предлагали. В банке все-таки решили прибегнуть к услугам другой компании по кибербезопасности. Наш последний продукт по отражению хакерских атак их не устроил.

А может, утром Давид с кем-то из банка разговаривал? Странное содержание разговора, конечно. Но я ведь не слышала начало. Возможно, я вообще все не так поняла.

Планерка проходит нервно и на повышенных тонах. Давид спускает три шкуры с начальницы отдела по работе с гостендерами. Затем достается продуктологам за то, что не могут придумать новое решение, которое станет нашим конкурентным преимуществом. И напоследок влетает мне. Чего я никак не ожидаю.

— Почему до сих пор не готов договор для медиахолдинга? Они мне пишут, спрашивают. Оказывается, еще в пятницу мы должны были отправить его их юристам.

Я аж теряюсь на секунду.

— Потому что я была на больничном, — честно отвечаю.

И тебе, Давид, прекрасно известно, как я валялась с температурой тридцать девять.

— И что? — повышает голос. — Мы должны были отправить им черновик договора еще в пятницу. Ты была на больничном, а твои сотрудники чем в это время занимались? Почему они не подготовили договор?

Краем глаза замечаю, как моя юристка испуганно втянула голову в плечи.

— Они подготовили, я не успела посмотреть...

— Надо было успеть! — зло перебивает. — Мы не можем разбрасываться клиентами.

Участники планерки переглядываются между собой. Всем ведь известно, что я супруга генерального директора. Чувствую себя униженно. Давид словно помоями меня облил. Прилюдно.

Почему нельзя было высказать мне претензии дома? Почему нельзя было лично спросить про договор для медиахолдинга?

— После планерки я отправлю им на согласование черновик договора, Давид Сергеевич, — цежу сквозь зубы, акцентируясь на имени-отчестве.

— Это нужно было сделать еще в пятницу!

Муж перескакивает с меня на начальницу пресс-службы. Ей достается за то, что в последнее время упало количество упоминаний нашей компании в СМИ. Я опускаю глаза в планшет, чтобы прочитать черновик договора, который подготовили мои девочки, но ничего не вижу. Чувствую себя погано, как никогда. Негатив и злость, исходящие от Давида, пронизывают меня. Еще и странный утренний разговор мужа не дает покоя.

Как только заканчивается планерка, я первой вскакиваю с кресла и несусь в сторону женских туалетов. Там закрываюсь в кабинке и позволяю себе пустить несколько слезинок. Накопилось за утро. Ладно... Давид просто расстроен тем, что мы потеряли контракт с банком. Мы не разоримся из-за этого, но все же уход такого крупного клиента чувствителен для нас.

— Слушай, новый айтишник такой классный! — дверь туалета хлопает, и слышится цокот шпилек. Они останавливаются где-то у раковин.

— Дааа, — соглашается вторая девушка.

Голоса мне знакомы, но не могу вспомнить, кому они принадлежат.

— Я подсела вчера к Тимуру на обеде, мы немного поболтали. Он такой интересный! — восторгается. — Как думаешь, он встречается с кем-нибудь?

— Мне кажется, нет. Я нашла его в соцсетях, ни с кем нет совместных фоток.

— Если Тимур свободен, то чур он мой!

Вторая фыркает:

— Вот еще! Я добавила его в друзья, и мы уже вовсю переписываемся. Возможно, на выходных куда-нибудь ходим.

— Ах ты сучка!

— Ага, крашенная.

Девушки смеются и скрываются в кабинках. Пользуясь моментом, выбегаю из своей и наспех мою руки. На работу пришел молодой, симпатичный, неженатый айтишник, и головы всех девушек теперь заняты мыслями, как его заинтересовать.

Мне бы их проблемы!

Кабинет я делю с тремя своими сотрудницами. За компьютером мне удастся немного успокоиться. Быстро пробегаюсь по договору, вношу несколько правок и отправляю юристам медиахолдинга. Надеюсь, их все устроит, и мы обойдемся без большого количества замечаний. Хотелось бы уже подписаться. Может, тогда Давид станет чуть мягче?

До конца рабочего дня муж не выходит со мной на связь. Хотя подсознательно я жду, что он вызовет меня к себе и извинится за публичное унижение. Но этого не происходит. Ровно в шесть часов я выключаю компьютер и встаю с рабочего места. Не знаю, какие у Давида планы, а я поеду домой. Проведу вечер с дочкой. Майя написала, что сделала все уроки на завтра и ждет меня.

Я выхожу из офиса и останавливаюсь на тротуаре в ожидании такси. Прибудет через одну минуту.

Прямо передо мной стоит машина. Водительская дверь распахивается и выходит... новый айтишник. Ступает на мокрый от мартовского дождя тротуар и делает ко мне шаг.

Вот уж кого-кого, а его точно не ожидала увидеть. Ошарашенно оглядываю парня: белоснежные кроссовки, белоснежный джинсы, белоснежная машина.

У него все белое? Как он умудряется не пачкаться?

— Привет. Я Тимур, — представляется. — Где ты живешь? Давай подвезу.

Наглость этого парня сражает меня наповал. Я открываю рот, чтобы ответить, но тут же захлопываю, не найдя слов. В голове вдруг возник дурацкий вопрос: а когда последний раз кто-то предлагал куда-то меня подвезти? Наверное, в далекой юности.

— Так где ты живешь? — напирает. — Сейчас дождь пойдет, садись в машину.

Айтишник берет меня за руку, видимо, чтобы проводить до своего автомобиля, и это помогает мне прийти в себя. Резко выдергиваю ладонь.

— Мальчик, тебе сколько лет-то хоть? — оглядываю его со скепсисом.

— Двадцать восемь. И я тебе не мальчик.

О как. Игнорирую последнее заявление.

— А мне тридцать четыре. У меня дочери пятнадцать лет. Зовут меня Вера Александровна, если что. Именно так: по имени-отчеству и на «вы». Тыкать будешь малолеткам из пресс-службы. А еще — я жена твоего босса. Так что не советую тебе куда-то меня подвозить.

Такси подъехало, поэтому я обхожу обнаглевшего айтишника и запрыгиваю в машину. Хотела бы я видеть выражение его лица, но не оборачиваюсь.

Глава 3. Семья

Дома мне удается отвлечься от всего плохого. Забываю и про странный телефонный разговор мужа, и про унижение на планерке. Я готовлю ужин, Майя сидит со мной на кухне и рассказывает о делах в школе. Потом показывает свою новую картину.

Наша с Давидом дочь — художница. У нее абсолютный талант к живописи, какого нет ни у меня, ни у мужа. Это так удивительно. Давид до мозга костей технарь, а я гуманитарий. Как наша дочь могла родиться с талантом к рисованию? Но Майя рисует с первого дня, как взяла в руки карандаш примерно в годик. Сначала это были каракули на альбомном листе, затем она стала рисовать предметы: дом, дерево, кукла, машинка. Несмотря на очень ранний возраст, рисунки получались красивыми, аккуратными.

Когда Майе было пять лет, вся наша квартира оказалась увешана ее картинами. Не рисунками, а именно картинами. Все свободное время дочь рисовала на мольберте: природу, города, людей. Она написала наш с мужем портрет. Само собой никогда не стоял вопрос, отдавать ли Майю в художественную школу. Конечно.

Сейчас дочери пятнадцать лет, она учится в девятом классе и собирается поступать в Строгановский университет на кафедру академической живописи. Осенью прошла первая выставка работ Майи, на которой она продала несколько картин и заработала на своем таланте собственные деньги.

Да, конечно, мы с Давидом помогли дочке в организации выставки. Арендовать зал в хорошем месте, организовать фуршет, пригласить гостей — не малые затраты. Но родительская помощь нисколько не умаляет одаренность Майи. У нашей дочки большой талант. А я как родитель считаю своим долгом помочь ребенку в его реализации.

Слушая рассказы Майи о последних новостях в школе, поглядываю в сторону часов на стене. Половина девятого, Давида нет. В груди снова поселяется тревожность. С одной стороны, хочу написать мужу сообщение. А с другой, боюсь быть навязчивой и отвлекать от дел. Может, у Давида важная встреча вечером? Но он не предупреждал.

В последнее время муж сам не свой. В компании дела идут не так гладко, как мы привыкли. Конкуренты придумали отличный продукт по отражению хакерских атак. Мы пока не можем предложить аналог. Клиенты чаще смотрят в сторону конкурентов. Наверное, поэтому Давид и нанял нового айтишника.

При воспоминании о мальчишке щеки алеют. Он, конечно, наглец. На лбу написано: «Разбиваю девичьи сердца». Ну ладно двадцатилетние девочки. Как ему хватило наглости подкатить ко мне? Спишем на то, что он не знал, чья я жена.

Когда хлопает входная дверь в квартиру, выдыхаю с облегчением. Давид пришел домой, и у меня гора с плеч. На лице непроизвольно играет радостная улыбка. Конечно, супруг не мог не прийти. И все же я волновалась.

Муж заходит на кухню с букетом цветов.

— Вер, это тебе, — вручает мне цветы и целует в щеку. — Прости меня, родная, — говорит на ухо. — Я был не прав на планерке.

— Ого, красивые! — восторгается Майя. — А по какому поводу?

— По поводу того, что наша мама самая лучшая! — весело отвечает Давид.

Я падаю лицом в ароматные цветы и моментально прощаю мужу все обиды. Супруг собрал букет из моих любимых цветов: белые розы, нежные пионы и веточки эвкалипта.

— Спасибо, — искренне благодарю.

Давид обнимает меня и еще раз ласково целует в щеку.

— Стойте так! — командует Майя. — Замрите! Не шевелитесь! Мне нужно буквально несколько минут!

Мы с Давидом смеемся, но слушаем дочь. Майя хватает со стола альбом с карандашом и принимается быстро-быстро делать наш набросок на листе. Тишину кухни рассекает только звук карандаша и наше с Давидом участившееся дыхание. Я неделю болела, а до этого еще неделю была в командировке, поэтому безумно соскучилась по мужу. Он по мне, как я чувствую, тоже.

— Я тебя люблю, — говорит мне на ухо едва слышно.

Мы столько лет женаты, а у меня до сих пор сердце ёкает каждый раз, когда Давид признается в любви. Чувствую себя той самой семнадцатилетней девчонкой, которая потеряла голову от взрослого уверенного в себе темноволосого парня.

— Готово! — провозглашает Майя и демонстрирует нам рисунок, на котором изображены я и Давид в обнимку с букетом цветов.

Несмотря на то, что дочь разрешила отстраниться друг от друга, мы с мужем не спешим это делать. Давид отрывает меня от земли и кружит по кухне. Дочь хлопает в ладоши.

— Вы как герои любовного романа!

Смеюсь, все же нехотя отрываюсь друг от друга. Без теплых объятий мужа меня резко бросает в холод. Руки покрылись гусиной кожей. Обхватываю себя за плечи.

— Чем тут так вкусно пахнет? — Давид с любопытством заглядывает через мое плечо на плиту. — Ммм, очень аппетитно выглядит.

— Тогда давайте за стол!

Я обожаю наши ужины втроем. Это у нас давно сложившаяся традиция. Каждый вечер я, Давид и Майя вместе за столом. Разговариваем о работе, школе, родственниках и знакомых, о планах на выходные, отпуск и много о чем еще. В эти мгновения я понимаю, как же сильно люблю свою семью: мужа и дочку. И как же мне с ними повезло.

Я познакомилась с Давидом, когда мне было семнадцать, а ему двадцать три. Очень долго между нами все было невинно. Давид не позволял себе в мой адрес больше, чем объятия и поцелуи. Он любил меня и думал в первую очередь обо мне, а не о себе.

Когда мне исполнилось восемнадцать, наши отношения вышли на новый уровень. Но неожиданно я очень быстро забеременела. Помню свои слезы, страх, растерянность и твердые слова Давида:

— Не бойся. Я с тобой.

Мы поженились, и у нас родилась Майя. Давиду было уже двадцать четыре, он уверенно стоял на ногах. Окончил технический вуз, работал в айти-фирме, нормально зарабатывал, чтобы обеспечить нас с дочкой, и мечтал открыть свою компанию. Пока Давид работал и пробовал первые попытки в бизнесе, я сидела дома с ребенком. В институте пришлось уйти в академ. Но я не собиралась становиться домохозяйкой. Когда Майе исполнилось два года, я отдала ее в садик и вернулась в институт. Да, было сложно совмещать учебу на юридическом и семью с маленьким ребенком. Майя постоянно болела, часто мне приходилось брать ее с собой на экзамены. Но я справилась.

К тому моменту, как я окончила институт, Давид открыл свою компанию по кибербезопасности. Естественно, я стала работать юристом в нашей собственной фирме. Искать работу на стороне и мыслей не было. С годами наш бизнес масштабировался и сегодня является одной из самых известных компаний по кибербезопасности в стране.

Давид в прекрасном расположении духа, утренние рабочие проблемы забылись. И все же я чувствую: с мужем что-то не так. Он как будто бы слишком старается делать вид, что все хорошо, и получается немного наигранно. Из-за этого я не могу расслабиться и насладиться временем с семьей. Тревога не покидает меня. Под ложечкой сосет плохое предчувствие.

Вдруг из ниоткуда появляется мысль: «А что, если скоро все закончится? Не будет больше нас и таких общих ужинов».

Мне становится дурно. Выпиваю залпом стакан сока. Прогоняю страх. Силой заставляю его уйти. Нет-нет-нет, что за ерунда? Откуда это в моей голове?

После ужина дочка уходит в свою комнату, а я убираю со стола. Поглядываю на букет в вазе, а сама по-прежнему места себе найти не могу. Чтобы успокоиться, решаю помыть посуду руками, а не складывать в посудомойку. Плохая была идея. Тарелки то и дело вываливаются из рук. Одна разбилась.

— Зараза! — эмоционально ругаюсь.

Беру в руки осколки и чувствую острую боль. Порезалась. Кровь хлынула из пальца. Сморщившись, подставляю его под воду. Затем тянусь к аптечке в верхнем шкафчике кухонного гарнитура и достаю пластырь.

В этот момент на кухню входит муж. Одного взгляда на него хватает, чтобы понять: сейчас что-то произойдет.

— Не говори ни слова, — опережаю Давида. — Молчи.

Потому что ничего не произошло, пока это не произнесено вслух. Я не хочу ничего знать. Но у Давида такое траурно-виноватое лицо, что очевидно: не собирается молчать.

— Я не могу больше тебя обманывать.

Я начинаю дрожать, нервы в оголенные провода превращаются.

— Я тебе изменил. Прости.

Глава 4. Боль

Слова мужа оглушают. Отшатываюсь назад, но упираюсь в холодильник. Я четко и ясно расслышала, что сказал Давид, но мозг отказывается принимать услышанное. Тело моментально в пот бросает, голова кружится. Лицо супруга расплывается из-за пелены слез перед глазами.

— Прости меня, Вера. Я осознаю, как плохо и гадко поступил по отношению к тебе. Я искренне раскаиваюсь. Пожалуйста, дай мне шанс...

Давид еще что-то говорит. Я не слышу. В ушах стоит гул, в висках стучит. Под ногами земля расходится, и я лечу в пропасть. Каждым миллиметром кожи, каждой клеточкой тела я ощущаю свой личный, свой собственный апокалипсис. Мир рухнул. Все разбилось вдребезги. Ничего больше нет.

— Я ошибся, оступился, — словно сквозь вату проникает в сознание голос супруга. — Я раскаиваюсь и прошу у тебя прощения. Мы столько лет женаты, у нас дочь...

— Надо было думать об этом, когда ложился в постель с другой, — перебиваю. — Боже...

Отворачиваюсь от мужа и закрываю ладонью рот, чтобы не разрыдаться униженно. Но у меня совсем не получается сдержаться. Слезы хлынули из глаз, я всхлипываю себе в ладонь.

— Вера... — Давид опускает руку мне на плечо.

Скидываю ее с себя. Муж, который еще десять минут назад был самым любимым мужчиной на свете, вдруг стал омерзителен. Его прикосновение, которое раньше согрело бы, теперь настолько противно, как будто на мое плечо легла не рука Давида, а заползла змея.

— Вера, я умоляю тебя. Позволь всё объяснить. Не руби сгоряча.

— Что ты собираешься объяснять? — рычу и вытираю мокрое от слез лицо.

— Я сильно сожалею об измене. Это было один раз и, клянусь, больше никогда не повторится. Я люблю тебя, я не хочу разрушать нашу семью.

— Какой абсурд.

У меня голова взрывается. Потому что все, что я слышу, это... у меня нет слов. Давид мне изменил.

Нет, не так.

ДАВИД. МНЕ. ИЗМЕНИЛ.

— Вера, я люблю тебя. Дай мне шанс. Хотя бы ради Майи.

— Заткнись! — взрываюсь на всю кухню. — Просто заткнись!

Я гляжу на Давида исподлобья и испытываю ненормальную животную ярость. Мне хочется растерзать его. Наброситься и длинными острыми ногтями стереть с лица это дурацкое траурно-виноватое выражение.

Но я даже шелохнуться не могу. Меня пронизывает боль. Такая сильная, как будто все кости в теле разом ломаются. Как будто из меня жизнь выходит. Как будто из груди сердце вырвали и топчутся по нему грязными ботинками.

— Это было один раз за всю нашу жизнь. Один-единственный раз, о котором я жалею так, как еще никогда ни о чем не жалел.

Я не могу больше это слышать. Я не могу больше здесь находиться. Я не могу больше видеть Давида.

Мне нужно уйти. Мне нужно срочно уйти. Убежать, скрыться, исчезнуть. Попасть туда, где нет страшного признания Давида, где мы по-прежнему счастливая любящая семья. Это только в прошлое. Но машины времени не существует.

Я не двигаюсь с места. Слезы снова заструились по щекам. Давид выглядит еще более виноватым, чем пару минут назад. Мы молчим. Атмосфера накалена до предела. Между нами летают искры.

— Как ты мог? — глухо вырывается после долгой паузы. — После столько лет вместе. Как ты мог?

У меня дрожат губы, подбородок, пальцы. Меня всю трясёт мелкой дрожью, словно голая на морозе стою. Мне быть раненым зверем хочется.

— Я был слишком пьян, а она была слишком навязчива. Я понимаю: так себе оправдание. Я все равно виноват. Осознавал ведь, что передо мной не ты. Но я очень об этом жалею, Вера. Очень.

В голосе Давида действительно слышится раскаяние, вот только мне от этого не легче. Мой мир все равно разрушен, моя жизнь все равно окончена. Давид был с другой женщиной. Целовал ее, раздевал, вдыхал ее запах. Он трогал ее обнаженное тело. Он хотел ее. Он кончал с ней.

И самое главное — он понимал, что перед ним не я.

Понимал и не остановился.

Боль разрастается в геометрической прогрессии. Она распирает меня изнутри, рискуя разорвать на мелкие ошметки и разнести их по стенам. Колени подкашиваются, я хватаюсь за стол, чтобы не упасть. Давид подскакивает ко мне, но я останавливаю его жестом. Если он прикоснется ко мне, я умру от отвращения.

— Прости меня, Вера, — произносит пылко. — Умоляю: прости. Давай не будем разбивать нашу семью из-за одной нелепой ошибки? Клянусь, я больше никогда тебе не изменю. Если хочешь... — запинаясь на секунду, слова подбирает. Мнется в нерешительности. Наконец, набрав в грудь воздуха, выпаливает: — Если хочешь, измени мне тоже в отместку. Но только не разрушай наш брак.

Глава 5. Утро

Принятие ситуации наступает только утром. Когда я приезжаю в нашу фирму, выпиваю кружку кофе за компьютером и иду на утреннюю планерку с Давидом. Муж сидит на своем месте во главе длинного деревянного стола. Выглядит так, как будто кто-то умер. Не побрился утром, плохо завязал галстук и надел мятый пиджак. Я гляжу на него вместе с остальными сотрудниками, слушаю сухой монотонный голос и понимаю: Давид стал мне чужим. Это больше не мой муж.

Вчера на кухне Давид много чего еще говорил. Извинялся, распинался. Но после его отчаянного предложения изменить ему в ответ, чтобы стать квитами и тем самым исключить взаимные претензии и обиды, я почти ничего не слышала и не понимала. Мой мозг просто взорвался.

Потом я сказала Давиду, чтобы уходил из дома и больше не возвращался. Он не стал спорить, кивнул, бросил в чемодан несколько костюмов и уехал, предупредив, что поживет пока на даче.

Я не спала всю ночь. Много думала и плакала. Первый порыв был все бросить и подать на развод. Даже стала искать нужные для этого документы. Однако, когда первые эмоции сошли, я попыталась размышлять трезво.

Как наш развод отразится на дочке, что будет с компанией? И я, и Давид вложили в бизнес все свои силы и всю свою душу. Это наше общее детище. И оно в первую очередь для Майи. Давайте будем честны: сколько нынче зарабатывают художники? Мы не будем принуждать дочь идти получать нормальную профессию, но и прекрасно понимаем, что с помощью красок и кисточки Майя вряд ли сможет обеспечить себе тот уровень жизни, к которому привыкла.

Нет, конечно, есть современные художники, которые много зарабатывают. Но войдет ли дочь в их число — неизвестно. А помимо них есть и другие — те, что сидят на Арбате и пристают к каждому прохожему с предложением написать портрет. Не хотелось бы, чтобы Майя стала одной из них.

Поэтому разводиться с Давидом и делить компанию — это значит погубить бизнес, который мы строили в первую очередь для нашей дочери. Можно не делить фирму, а мне уволиться и только получать часть дивидендов. Но я не хочу уходить со своего места. Это мой бизнес тоже. Почему я должна увольняться? Но и Давид, конечно, тоже никуда не уйдет. А значит, нам все равно придется работать вместе, как бы сложно ни было.

У меня нет решения и нет выхода из сложившейся ситуации. Не зная, что делать, после трудной ночи я собралась и приехала на работу. Как могла, с помощью макияжа замаскировала следы слез и бессонницы. По идее никто не должен заметить.

Вот только новый айтишник, сидящий на планерке ровно напротив, вместо того, чтобы слушать Давида, так пристально на меня пялится, что рискует рассмотреть мои красные опухшие глаза. Он меня бесит. Я и так на взводе, а еще этот борзый мальчишка действует на нервы.

— Вера, зайди ко мне в кабинет, — командует муж после планерки.

Это настолько неожиданная просьба, что я удивленно замираю. Муж как ни в чем не бывало хватает со стола бумаги и устремляется на выход из конференц-зала. Давид часто просит отдельных сотрудников зайти к нему после планерки. Обычно это никого не удивляет. Но айтишник как-то странно посмотрел сначала на Давида, затем на меня. Ладно, сплешем на то, что он еще мало работает и не знает наших порядков.

Я слушаюсь и иду в кабинет мужа. Прижимаю плотнее к груди планшет и закрываю за собой массивную деревянную дверь из красного дерева.

— Я очень рад, что независимо ни от чего ты пришла на работу, — мягко начинает Давид. Он стоит у своего рабочего стола. Не садится в кресло. Между нами несколько метров.

— Это и моя компания тоже.

— Конечно. Это наше общее дело.

Возникает пауза. Мы оба не знаем, что сказать.

— Вер... — Давид первым прерывает тишину. — Я еще раз хочу повторить: я понимаю, насколько ужасный и отвратительный поступок совершил. Но я очень дорожу нашей семьей, и я прошу тебя дать мне шанс все исправить.

— Я еще не решила, что буду делать дальше, — холодно отвечаю. — Мне нужно время подумать.

— Да, конечно, я все понимаю.

— И я не готова видеть тебя за пределами работы.

Давид кивает.

— Я буду жить на даче.

— Майя будет спрашивать, где ты и что происходит. Расскажи ей сам.

Муж резко меняется в лице.

— Зачем впутывать в это Майю?

— Затем, что у нее возникнет логичный вопрос, почему папа больше с нами не живет.

— Можно что-нибудь придумать. Сказать, что начали на даче небольшой ремонт...

— Нет, — перебиваю. — Наша дочь имеет право знать, что ее отец представляет из себя на самом деле. Расскажи сам или это сделаю я.

Вчера Майя не заметила уход Давида из квартиры. Пока мы ругались на кухне, она смотрела сериал в своей комнате. Утром я сказала дочке, что папа уехал рано на встречу. Она не заподозрила подвоха. Но обманывать дочь постоянно не получится. Не на этой неделе, так на следующей, она спросит, почему долго нет папы.

Давид ослабляет галстук. Мое требование рассказать все ребенку ему не понравилось.

— Вера, давай не рубить с плеча.

— Если бы я рубила с плеча, то утром пришла бы не на работу, а в суд подавать на развод. Мне нужно время хорошо подумать, как строить свою жизнь дальше. Но я точно знаю две вещи. Первая — я не желаю видеть тебя за пределами компании. Вторая — я не собираюсь долго обманывать Майю.

— Ладно... — я прямо чувствую, как Давид соглашается сильно скрипя душой. — Я поговорю с ней. Но не сегодня и не завтра. И даже не послезавтра. Я сам выберу момент. Пока скажи ей, что на даче начался небольшой ремонт, и я должен его контролировать. Ну или я сам ей скажу.

Фыркаю и нервно смеюсь. Ясно ведь: он надеется, что через недельку-другую я отойду и прощу измену. Тогда и дочке рассказывать не придется.

— Хорошо. Скажи сам, когда захочешь.

— И еще, Вер, — шумно сглатывает. — Я вчера такую глупость сморозил на эмоциях. Просто не знал, что еще сказать, чтобы ты меня простила...

— Чтобы я изменила тебе в ответ? — сразу догадываюсь.

Давид не просто удивил меня. Он вышел за пределы моего понимания. Перевернул мое сознание.

— Да. На самом деле я не хочу этого. Конечно же, я ни в коем случае этого не хочу. Сморозил глупость, первую пришедшую на ум, как еще один способ получить твое прощение...

Резко перебиваю:

— Если я захочу с кем-нибудь переспать, я не буду спрашивать у тебя разрешения.

Давид осекается. Меняется в лице, глаза наполняются возмущением. Хочет что-то возразить, но вовремя успевает стиснуть челюсть и промолчать.

— Я настроен спасти нашу семью, Вера, — произносит сквозь сжатые зубы. — Я раскаиваюсь, я прошу у тебя прощения и я прошу тебя дать мне шанс. Новые измены в качестве мести не спасут нас от проблем.

— Я еще не решила, что буду делать дальше. Не исключено, что подам на развод. Мне требуется время подумать.

При слове «развод» Давид аж бледнеет.

— Я пошла работать. Надеюсь, ты не будешь заставлять меня ходить в твой кабинет по каждому пустяку.

Не дожидаясь от мужа ответа, выхожу за дверь.

Глава 6. Прости

Сложно сосредоточиться на работе. Как ни стараюсь абстрагироваться, а не получается. В груди нестерпимо ноет, словно открытая рана кровоточит. В ушах звенят слова Давида: признание в измене и последующие извинения.

«Прости»...

Одно слово. Шесть букв. Казалось бы, оно призвано спасать людей, помогать им, примирять их. Но лично меня это слово убило похлеще пистолета.

Как будто это так просто. Вырвал человеку сердце и «прости». Уничтожил всё одним признанием, перечеркнул всю жизнь и «прости». Давид сам хоть понимает, что своей изменой поставил на нас жирный крест? Все, нас больше нет. Нет ни счастливых отпусков на море, ни уютных ужинов по вечерам после работы, ни радостных семейных праздников.

Слезы наворачиваются на глаза, я пытаюсь их сдержать. В горле колет, челюсть сводит. Быстро разворачиваюсь на компьютерном кресле от монитора к окну, чтобы мои сотрудницы не увидели, как я плачу. Крылья носа дрожат, я натягиваюсь струной. Слезинки потекли сквозь закрытые веки.

Мне больно. Как же мне больно. Давид вырвал из меня душу. Я хочу кричать. Схватиться за голову и кричать. Потому что ничего больше нет. Моей семьи больше нет, моего счастья больше нет. Все разбилось в одночасье.

«Я тебе изменил. Прости».

Как вынести эту боль? Как ее вынести? Как не задохнуться от нее, как не умереть? Я со всей силы кусаю свою руку, чтобы подавить рвущийся наружу крик. Рот стремительно наполняется металлическим вкусом крови.

«Я тебе изменил. Прости».

Я кусаю сильнее. Кровь потекла струйками по коже, их моментально впитывает белая блузка. Отпускаю руку, выпрямляюсь, делаю вдох. Горло кошки дерут. Кровь закапала на светлые брюки. Она не перестает течь.

— Вера Александровна, вы в порядке? — возле меня стоит моя молодая сотрудница. Глядит с широко раскрытыми глазами. — Это надо подписать... — неуверенно протягивает бумаги.

— Я порезалась. Положи мне на стол.

Кивает, продолжая с подозрением меня разглядывать. Должно быть, у меня весь рот в крови, и это странно выглядит. Срываюсь с места и бегу в женский туалет. Видок у меня тот еще. Как у вампириши. Останавливаю течение крови, вытираю ее с лица. Но блузку и брюки я сейчас не отстираю.

Возвращаюсь в кабинет. Как только переступаю порог, голоса моих девочек моментально стихают. Значит, обсуждали меня. Но сейчас мне наплевать. Я снимаю с вешалки пальто, беру сумку и иду в кафе в соседнем здании. Не самое лучшее место для обеда, если я хочу побыть в одиночестве. В этом кафе я сейчас всех встречу. Возможно, даже Давида.

В конце зала вижу нескольких сотрудников других отделов. Киваю им и сажусь за свободный столик у окна. Аппетита нет и вряд ли мне в горло залезет хоть кусок, так что не знаю, зачем я сюда пришла. Просто хочу немного побыть одна. Все равно на рабочем месте от меня толку мало. Я смотрю в бумаги, пытаюсь читать текст, но ничего не вижу и не понимаю. Потому что в голове, словно заевшая пластинка, слова мужа: «Я тебе изменил. Прости».

По широкой дороге проезжает пустой трамвай, и я с тоской провожаю его взглядом.

— Сесть бы в него, ехать и никуда не приезжать, — неожиданно звучит над ухом, и я аж подсказываю на стуле как ужаленная. Надо мной возвышается борзый айтишник. — Я правильно угадал твоё желание?

Я настолько поражена его появлением, что шокировано молчу, словно язык проглотила. Не спрашивая разрешения, мальчишка садится напротив меня.

— Это всего лишь плохой день, а не плохая жизнь. Расслабься и улыбнись. Ты гораздо красивее, когда улыбаешься, чем когда плачешь.

Я продолжаю молчать. Я реально охренела от наглости и бесцеремонности этого парня. Никогда в жизни ни один сотрудник нашей компании не смел настолько фамиллярно со мной разговаривать.

— Мало что долго бывает важным. Спорим, через десять лет ты даже не вспомнишь из-за чего ты сегодня плакала? — мальчишка добивает меня еще больше.

Глава 7. Не плачь

— Я жена твоего начальника, — отмираю. — Следи за тем, как разговариваешь со мной. Я просто в шоке. Я даже не знаю, как это назвать. Хамство? Да, хамство. Так вот — никогда в жизни не встречала такого хамства.

— Хватит прикрываться мужем. Ты вполне самостоятельна.

К нам подходит официант и кладет на стол меню. Мы не притрагиваемся к нему. Я так и сижу, словно ведром ледяной воды облитая. Встать бы да уйти, но почему-то не могу. Если отбросить наглость и борзость пацана, он меня забавляет. Его внимание ко мне — как контрастный душ после тяжелого рабочего дня. Бодрит.

— Мальчик, а ты откуда такой дерзкий будешь?

— Я уже говорил: я тебе не мальчик.

— Если не нравится «мальчик», то можно сопляк. Так лучше?

Тимур ухмыляется.

— У нас не такая уж большая разница в возрасте. Зачем ты намеренно пытаешься себя состарить?

Я снова на пару секунд впадаю в недоумение.

— Я не пытаюсь себя состарить. Просто между нами разница в возрасте, разница в семейном положении и разница в социальных статусах. Я жена основателя компании и совладелец бизнеса. А ты всего лишь наемный сотрудник на шесть лет младше. Тебе не кажется, что манера твоего общения со мной неуместна?

— Не кажется. Ты загнала себя в рамки глупых условностей.

Мальчишка настолько меня забавляет и поражает одновременно, что на короткий миг я забываю про измену мужа.

— Что ты от меня хочешь? — не выдерживаю и спрашиваю, пожалуй, излишне эмоционально.

— Хочу отвлечь тебя от твоих проблем. Хочу, чтобы ты улыбнулась. Ты особенно красива, когда улыбаешься. Хочу, чтобы ты хоть немного вышла за выстроенные тобой рамки из приличий и социальных статусов. Расслабься. Оглянись вокруг. Жизнь прекрасна. Ты прекрасна.

Оторопело таращусь на Тимура.

— Ты обкурился? — это первое, что приходит мне на ум после непродолжительной паузы.

— Я не употребляю наркотики ни в каком виде.

Я начинаю злиться.

— Да что ты ко мне прицепился? — рявкаю, наконец.

— Ты мне понравилась.

У меня челюсть отвисает от такого заявления. Я или чего-то не понимаю в этой жизни, или мальчишка вконец берега попутал. Взять и заявить такое жене своего начальника — это для меня что-то из области фантастики. Станный он какой-то. Как не от мира сего.

Тимур поднимается со стула, кладет в карман телефон. Собрался уходить, догадываюсь. Неожиданно склоняется ко мне.

— Подумай обо всем, что я сейчас сказал. И не плачь. Во-первых, тебе не идут слезы. Во-вторых, мало что в реальности достойно твоих слез.

Айтишник разворачивается и шагает к выходу из кафе, оставляя меня шокировано смотреть ему вслед. Я остаюсь в оцепенении, даже когда за мальчишкой закрывается дверь.

— Определились с заказом? — словно из ниоткуда, появляется официант.

Опомнившись, хватаю меню. Быстро листаю несколько страниц.

— Мне пасту с морепродуктами, пожалуйста, — называю первое заинтересовавшее блюдо.

— Напитки?

— Просто воду.

Когда официант удаляется, я оборачиваюсь по сторонам. Несколько сотрудников компании продолжают сидеть в конце зала. Они увлечены беседой друг с другом, не знаю, заметили ли мое короткое общение с Тимуром. Меня почему-то охватывает жгучий стыд, как будто я совершила плохой аморальный поступок, пообщавшись с айтишником. Как будто это я навязываюсь к семейному человеку, а не он ко мне.

Тимур странный. И, наверное, мне не следует брать в голову его внимание. Может, он со всеми девушками так легко общается, каждой отвешивает комплименты и дает непрошенные советы. Да-да, наверняка так и есть. Если бы такое поведение было ему несвойственно, то он точно не стал бы начинать подобный стиль общения с жены своего шефа. Поэтому мне не следует придавать Тимуру большое значение.

Но надо отдать мальчишке должное — он реально отвлек меня от мыслей об измене мужа. И у меня даже появился аппетит, хотя еще десять минут назад кусок в горло не лез. Официант ставит передо мной тарелку с пастой, и я с удовольствием отправляю в рот вилку за вилкой. Поведение Тимура, безусловно, вызывает негодование. В груди бурлит возмущение его наглостью, и благодаря этому я меньше вспоминаю об измене Давида и о том, что у меня в одночасье рухнула жизнь. Так что в какой-то степени спасибо мальчишке.

Я возвращаюсь с обеда, и у меня впервые за полдня получается погрузиться в работу. Я беру себя в руки, становлюсь собранной. Долго обсуждаю по телефону с медиахолдингом их правки в договор, уверенно отстаиваю нашу позицию и объясняю, почему мы не можем изменить некоторые пункты. Горжусь собой, когда получается прийти к консенсусу.

— Мы готовы подписать с вами договор на закупку программного обеспечения, — наконец-то слышу заветные слова и с облегчением падаю на мягкую спинку компьютерного кресла.

Настроение становится лучше. Я улыбаюсь.

— Вера Александровна, вот это вы их уделали, — восхищенно произносит одна из моих сотрудниц.

Я увлеклась разговором и забыла, что нахожусь в кабинете не одна.

— Спасибо, Лера.

Но когда наступает конец рабочего дня и надо ехать домой, проблемы снова ложатся на меня бетонной плитой. У Давида сегодня нет вечерних дел и поздних встреч, а значит, мы могли бы вернуться домой вместе. В груди снова начинает нестерпимо ныть. Я вызываю такси и еду домой одна.

В квартире меня встречает дочка. Майя, еще не подозревающая о том, что наша жизнь рухнула, радостно щебечет о школе и хвалится пятерками. Я изо всех сил пытаюсь слушать дочку, но мысли так и отбрасывают меня к Давиду. Он не придет сегодня домой. И завтра не придет. И послезавтра.

Готовлю ужин, а все из рук валится. Цветы Давида, которые он подарил мне вчера, стоят в вазе на кухонном столе и добавляют соли на рану. Еще вчера ровно в это же время я была счастлива. А сегодня уже нет.

— А папа во сколько домой придет? — спрашивает дочка.

Хорошо, что я стою к Майе спиной, и она не видит моего лица. Его перекосило от боли.

— Папа пока на даче поживет. Там небольшой ремонт, он будет его контролировать, — озвучиваю дочке выдуманную сегодня Давидом легенду.

— Ремонт? — изумляется. — Мы разве собирались делать на даче ремонт?

— Нет. Там что-то сломалось или потекло. Я точно не поняла. В общем, папа вызвал строителей, и пока идут ремонтные работы, будет жить там. Далеко и неудобно ездить туда-сюда.

— А, понятно.

Я нехотя лгу дочери. Не понимаю смысла этой лжи. Ну сколько мы так будем обманывать Майю? От силы пару недель. Дочь не тупая и сама заподозрит неладное. Скрывать от Майи причину разлада имеет смысл, если я решу простить Давида. А я не уверена, что смогу это сделать.

Я испытываю отвращение к мужу. Он трогал и целовал другую женщину, как после такого я могу подпустить его к себе? Не могу. Мне до тошноты противно. А еще я не понимаю причин измены. «Был слишком пьян, а она была слишком навязчива». Кажется, так сказал Давид. Все это глупости, конечно. Давид изменил мне не потому что был пьян и не потому что та женщина была очень навязчива. Он изменил, потому что хотел этого.

А почему муж хотел мне изменить? Было ли в нашем браке что-то не так? И если да, то в какой момент это началось?

Сложные вопросы. Я задаюсь ими снова и снова. А ответов не нахожу.

После ужина с дочкой ухожу в нашу с Давидом спальню. Залезаю с ногами на мягкое широкое кресло и неотрывно гляжу на постель. «Самое важное место в доме — это супружеская кровать», так сказал Давид, когда мы купили новую большую квартиру и заказал в нее поистине царское ложе. Кровать везли из Италии. Она огромная, на ней несколько человек поместятся. Каждую ночь мы спали в обнимку и под одним одеялом.

Так было первые пару лет нашей жизни в новой квартире. А потом внезапно появилось второе одеяло. Весной Давиду было жарко, а мне холодно, поэтому он стал спать под тонким, а я продолжила спать под толстым. С раздельными одеялами больше не стало объятий по ночам. Неожиданно это оказалось удобнее, чем всю ночь спать в обнимку. Я перестала просыпаться от того, что на меня давит тяжелая рука Давида. Он перестал просыпаться от того, что под и без того жарким одеялом я дополнительно согреваю его своим телом. Ну и так как никто больше не просыпался, не стало и внезапного спонтанного секса по ночам.

Наш брак дал трещину в тот момент? Да ну нет, ерунда. Миллионы супружеских пар спят под раздельными одеялами. У нас все было хорошо, несмотря на раздельные одеяла.

Я продолжаю с тоской и грустью глядеть на постель. Не сосчитать, сколько счастливых мгновений мы в ней провели. Вдруг вспоминаю случай из позапрошлого лета. Мы поехали отдыхать на море. Нам с Давидом дали номер с красивым видом, но с двумя раздельными одноместными кроватями. Мы возмутились. Что это вообще такое, при бронировании мы указывали, что нужна одна большая кровать.

Мы спустились на ресепшен и попросили поменять нам номер. Администратор сказал, что это последний номер с красивым видом из окна, и предложил нам сдвинуть вместе одноместные кровати.

— Все равно будет неудобно спать, — капризно заявила я. — Посередине будет ребро от кроватей, оно будет мешать спать.

— Вот вам ключ от свободного номера с большой кроватью, — администратор с вежливой улыбкой положил его передо мной на стойку. — Сходите посмотрите новый номер. Если вас устроит, можете переехать в него.

Мы пошли смотреть. Номер оказался в том же корпусе, но на первом этаже и с видом на маленький бассейн в закрытом дворике отеля. Люди, загорающие на шезлонгах, имели прекрасную возможность заглядывать к нам в окна. Пришлось бы постоянно закрываться от них шторами. Но зато шикарная кровать размера king size.

— Я прикачу чемоданы, — сказал Давид.

— Куда прикатишь?

— Сюда.

— В этот номер?

— Ну да.

— Давид, он же ужасен! Я не хочу две недели жить с видом на бассейн, постоянно закрывать окна и каждое утро просыпаться от криков, гогота и плеска воды.

— Вер, да ты чего? Зато здесь кровать нормальная, будет удобно спать.

— Сдвинем в том номере кровати, и тоже станет удобно.

Давид недоуменно на меня глядел, как будто я не в своем уме.

— Зато там очень красивый вид! — привела я весомый аргумент.

— Какая разница, какой вид из окна, если мы не будем спать вместе?

— Большая разница. Я хочу нормальный вид, а не вот это, — указала рукой на бассейн.

— К тому же тут первый этаж, будут по ночам ходить и орать все кому не лень.

Не дожидаясь от мужа ответа, я пошла к двери. На ресепшнере я отдала администратору ключ и сказала, что мы не будем ничего менять. Тяжелый недовольный взгляд мужа давил мне на лопатки, но я его игнорировала. Вернувшись в номер, я сразу пошла на просторный балкон с красивейшим видом на парк отеля и Средиземное море.

Кровати мы сдвинули. Но ребро посередине так впивалось в тело, что было невозможно спать вместе. К тому же тяжелые и почти неподъемные кровати каким-то непонятным образом могли среди ночи раздвинуться. В итоге я и Давид несколько раз просыпались от того, что проваливались в дырку.

Первую неделю отпуска мы еще мучались, а потом плюнули, и каждый из нас спал на своей одноместной кровати.

Глава 8. Вопросы

Дальше дни превращаются в одну сплошную серую массу. Дом-работа. Работа-дом. Каждая встреча с Давидом — ножом по сердцу. Я потом убегаю в туалет, закрываюсь в кабинке и реву себе в ладонь. Мы обсуждаем только рабочие вопросы, но чувствуется, что между нами целый океан недосказанности.

Вопросы разрывают меня. Я хочу знать всё: с кем изменил, когда, почему. Я правильно понимаю, что это она звонила, когда я невольно подслушала разговор под дверью ванной? Если это была разовая измена, о которой Давид сильно сожалеет, то откуда у той женщины номер моего мужа? Я снова и снова воспроизвожу в памяти подслушанный разговор и прихожу к выводу, что любовница не оставляет Давида в покое.

«Зайди ко мне»

Сообщение от мужа приходит как раз в тот момент, когда я вместо того, чтобы работать, снова мучаюсь вопросами. Закрываю браузер и иду в кабинет Давида.

— Я по поводу корпоратива. Можешь взять его на личный контроль? В отделе кадров новая сотрудница, нет уверенности, что она все организует хорошо.

Скоро день рождения нашей компании. Мы отмечаем его каждый год с выездом сотрудников за город. Организацией мероприятия занимается отдел кадров. Так как событие важное, обычно я контролирую его лично. Нынешний год — не исключение. Даже странно, что Давид решил попросить меня об этом отдельно.

— Конечно. Я уже контролирую. Выбрали площадку, внесли предоплату. Сейчас ищем ведущего, кавер-группу и диджея. Я хотела тех же, что были в позапрошлом году, но они заняты на нужные нам даты. Ищем других.

— А, да? Ну хорошо, что ты контролируешь.

— Странно, что ты думал, будто я не стану контролировать.

— Я так не думал. Просто на всякий случай.

Возникает пауза. Я тяжело сглатываю. С каждым днем мне становится все тяжелее коммуницировать с Давидом и делать вид, будто мы просто начальник и подчиненная. Потому что боль душит. Потому что дома повсюду его вещи, потому что постель пахнет его запахом, а его самого нет. И я не хочу, чтобы он приходил. Неделя прошла. Я до сих пор не могу простить Давида. Даже ради дочери, даже ради общего бизнеса.

А есть ли какое-то точное время, которого достаточно для прощения измены любимого человека?

— Как дела дома?

Давид задаёт вопрос такой интонацией, что сердце сжимается, а глаза начинает колоть от слез. Муж выглядит очень уставшим и замученным, несмотря на то, что сегодня побрился. Впервые за неделю.

— Всё хорошо, — сухо отвечаю.

— Как Майя? Я каждый день ей звоню.

Я знаю, что Давид каждый день разговаривает с дочкой по телефону. Продолжает дальше сочинять легенду про неотложный ремонт на даче. Майя пока верит.

— Раз каждый день ей звонишь, значит, знаешь, как ее дела.

Давид вздыхает. Встает с кресла, обходит стол и становится напротив меня. Я хочу уйти, но ноги почему-то стоят на месте, словно свинцом налились. Тяжесть ситуации ложится на меня бетонной плитой. Под этим весом я ссутуливаю плечи.

— Вера, пожалуйста...

Мотаю головой.

— Нет, Давид. Я не хочу, чтобы ты возвращался домой. И у меня к тебе просьба: увези из квартиры все свои вещи. Например, в субботу. Я уйду на целый день, а ты приезжай и заberi всё до последних трусов и носков. Насчет развода я еще думаю. Пока не подала заявление, но, наверное, подам. Сейчас я просто не хочу видеть дома твои вещи.

— Вера, прошу тебя, не пори горячку.

— А я не порю горячку. Неделя прошла с того дня, как ты признался в измене. Это достаточный срок для того, чтобы определиться со своим ближайшим будущим. У меня не появилось желания простить тебя и жить дальше как ни в чем не бывало. Наоборот — появилось желание, чтобы все твои вещи исчезли из квартиры и больше не попадались мне на глаза. Как и ты сам. Но последнее невозможно в силу того, что у нас общий бизнес, и я не собираюсь уходить из компании. Ладно, на работе я еще согласна тебя терпеть, хотя и это тяжело. Но не дома. Поэтому настоятельно прошу: увези из квартиры свои вещи. Иначе я сама соберу их в коробки и отправлю на дачу курьерской службой.

— Почему ты совсем не думаешь о Майе и о том, как это на ней отразится?

— Не надо перекладывать на меня ответственность за свою измену, — грожу указательным пальцем. — Это ты должен был думать о Майе, когда спал с другой женщиной.

— Я тогда был слишком пьян и вообще ни о чем не мог думать. Я искренне раскаиваюсь в этом, Вера, и прошу у тебя прощения.

Вопросы вспыхивают в голове с новой силой. Наверное, лучше мне не знать подробностей измены мужа. Они ведь еще больше будут отравлять мне жизнь. Я и так задыхаюсь от боли, не могу спать по ночам, потому что слезы дерут горло. А после, наверное, вовсе умру.

— Когда это произошло? — вырывается против моей воли. — Когда ты мне изменил? И с кем?

Глава 9. Она

— Почему ты спрашиваешь? — удивляется.

— Хочу знать.

— Зачем?

Хороший вопрос — зачем? Действительно, а что мне даст это знание? Жить с ним будет намного тяжелее, чем без него. Но я не могу унять вопросы в своей голове.

— А зачем ты рассказал мне об измене? Теперь я хочу знать все подробности.

— Я рассказал тебе об измене, потому что я за честность в отношениях. Ты заслуживаешь знать правду. Да, я мог бы подлю промолчать, чтобы ты продолжила дальше жить в иллюзиях на мой счет. Мне так даже было бы лучше. Но я решил пойти по пути правды и лишь надеюсь, что ты сможешь меня простить, потому что я действительно раскаиваюсь и не хочу тебя терять.

— Твоя речь достойна Оскара, — хмыкаю. — Но раз сказал «А», то теперь говори и «Б». Я хочу знать, когда ты мне изменил и с кем.

Лицо Давида принимает такое выражение, как будто он проглотил лимон. Не хочет рассказывать.

— Когда и с кем? — тороплю.

Давид неоднократно подчеркивал, что измена произошла, когда он был сильно пьян. А я не помню, когда такое было. Давид не часто пьет. Я так сходу даже вспомнить не могу. На ум приходит его встреча с друзьями где-то полгода назад. Тогда муж вернулся домой в два ночи и изрядно пьяный. Я отправила его спать на диван в гостиной, потому что не имела ни малейшего желания всю ночь вдыхать запах перегара.

Давид изменил мне тогда?

— Когда ты была в командировке, — наконец, отвечает.

Не сразу понимаю, о чем речь.

— В какой командировке?

— В последней.

Мне требуется несколько секунд, чтобы переварить.

— Две недели назад!?

— Две с половиной, если точнее.

Ответ мужа поражает меня. Я застыла на месте и не шевелюсь. Вопросов стало еще больше. Ничего не понимаю... То есть, это произошло вот совсем недавно... А Давид разве ходил куда-то пить, пока я была в отъезде?

— Арбатов приезжал в Москву, — продолжает, пока я молчу, словно громом пораженная. — Написал мне с предложением встретиться. Потом еще паре ребят. А они еще кому-то, с кем общаются. В общем, у нас получилась внезапная встреча выпускников. За один день договорились о встрече и собрались в кафе.

Я чувствую сильнейший удар под дых. Мне вдохнуть больно. Натягиваюсь струной, а у самой губы задрожали. Дальше Давид может не продолжать. Я все поняла.

— Она тоже была, — тихо добавляет.

Я сжимаю руки в кулаки и до боли вонзаю ногти в ладони. Она... Когда-то я запретила Давиду произносить вслух ее имя. Поэтому просто «она».

— А своему мужу она призналась в измене так же честно, как ты мне?

Задать вопрос получается спокойно и без дрожи в голосе, и я горжусь собой. Хотя голова пошла кругом.

— Она с ним развелась давно.

— Ты даже такие подробности ее жизни знаешь, — роняю бесцветно.

— Она рассказала на встрече.

— Понятно, — силюсь улыбнуться. — Ну что ж, можешь возвращаться к ней.

— Вера, пожалуйста, хватит, — устало просит. — Ты захотела узнать, когда и с кем я тебе изменил. Я честно сказал. Она мне не нужна. Я ее не люблю и не любил никогда. Я люблю тебя. Мне сорок лет и за всю свою жизнь я любил только одну женщину — тебя, Вера.

Очень тяжело сохранять лицо, когда ощущаешь себя так, будто тысячи иголок под кожу вонзили. Но я не опускаюсь до истерики из-за нее. Мне давно не восемнадцать.

— Я пошла работать. Передавай ей от меня привет.

Больше не могу здесь находиться и смотреть Давиду в глаза. Выбегаю из его кабинета. Мчусь не к себе, а на улицу. Не надев пальто, несусь по тротуару. В лицо и раскрытую шею бьет холодный мартовский воздух. Слезы струятся по щекам. Их смахивает встречным ветром.

Наверное, если бы Давид изменил мне с кем угодно, но не с ней, мне бы было не так больно, как сейчас. Но он спал С НЕЙ. Не с эскортницей какой-нибудь. Не со случайной знакомой. А С НЕЙ.

Да лучше бы Давид переспал с нашей молодой соседкой по лестничной площадке или с кем-нибудь из нашей компании, чем с ней!

Я останавливаюсь на тротуаре больше не в силах бежать и сгибаюсь пополам. Легкие горят огнём, на каждом вдохе грудь разрывает.

«Она» — это бывшая девушка Давида, с которой он встречался в далекой юности. Его однокурсница. Вскоре после расставания с ней Давид встретил меня. А она еще долго его не отпускала. Звонила ему, писала сообщения. Я сильно ревновала.

О, как же я ревновала Давида к ней!

Я задыхалась от ревности. Я ни пить, ни есть не могла. Я все время представляла, как Давид ее целовал, обнимал, как спал с ней. Ревность сжигала меня изнутри. Потому что мне было семнадцать-восемнадцать, и у меня никогда не было мужчин до Давида. А ему было двадцать три, и у него было полно девушек. В частности, него были серьезные отношений С НЕЙ.

Я боялась, что Давид бросит меня и вернется к бывшей. Я боялась, что Давид будет любить меня меньше, чем любил ее. Хотя он убеждал, что вовсе не любил ее никогда. Эти навязчивые мысли не давали мне покоя. У меня была настоящая паранойя.

Со временем я, конечно, успокоилась. Мы с Давидом поженились, родилась Майя. Его бывшая тоже наконец-то отстала. Потом через соцсети я узнала, что она вышла замуж. Так потихоньку и забылось, ревность улеглась. Я чувствовала, что Давид любит меня и дорожит нашей семьей. У меня не было ни единого повода для ревности. Да и сама по себе я угомонилась. Повзрослела, может. Или поумнела. Не знаю. Но факт оставался фактом — я не ревновала Давида вообще ни к кому, никогда не лезла в его телефон, не нюхала рубашки и не запрещала встречаться с друзьями. Я доверяла Давиду на сто процентов.

Но сейчас, зная, с кем именно мне изменил муж, я испытываю ровно ту же жгучую боль, что и когда мне было восемнадцать.

Глава 10. Встреча выпускников

Давид

Вера удаляется из моего кабинета, а я так и остаюсь стоять, кожей ощущая боль, которую причинил ей своим признанием.

Вот так в одночасье разбилась вся жизнь. Из-за одной глупой ошибки. Хотелось бы оправдать ее пьянством, но алкоголь — это отягчающее обстоятельство. Да и зачем вообще оправдывать то, что без сомнения подлежит порицанию и казни?

«Это не я виноват, это она, это алкоголь...».

Нет. Имей в себе силы признать: это ты виноват. И ты, полнейший мудак, заслуживаешь самого жестокого наказания. Расплачивайся и страдай.

Я мог бы не говорить Вере. Не думаю, что Зоя донесла бы ей. Я прекрасно знаю характер своей бывшей. При всей ее навязчивости ко мне, она не опустится до того, чтобы приходить к жене и открыто воевать за мужика. Зоя всегда хотела, чтобы Я САМ выбрал ее. Чтобы Я САМ оставил Веру, развелся и пришел к ней. Чтобы это было МОЕ осознанное желание. Зоя предпринимала меры, чтобы Я САМ обратил на нее внимание, а не чтобы меня кто-то бросил, а она подобрала.

Поэтому что шестнадцать лет назад, что сейчас Зоя атакует меня, а не мою жену. Зое не нужно, чтобы Вера меня бросила. Тогда Зоя не почувствует удовлетворения. Зое нужно, чтобы я сам ушел от Веры и пришел к ней со словами: «Не люблю жену, а люблю тебя. Выходи за меня замуж».

Такой Зоя человек. Странный немного.

А уходить от Веры я не собираюсь и никогда не собирался. Зоя мне не нужна. Мы встречались в студенческие годы двадцать лет назад. Особой любви к Зое я не испытывал. Просто мы учились в техническом вузе, и на потоке из ста человек было всего семь девочек. Не из кого было выбирать. А Зоя ничего такая была, симпатичная, фигуристая. Она первой проявила ко мне интерес, и я ответил взаимностью. Потом мы расстались из-за чего-то, не помню уже причину. Вскоре после этого я встретил Веру и пропал.

Зоя предпринимала попытки меня вернуть: писала, звонила, приставала в институте. Но мне кроме Веры уже никто не был нужен. Я влюбился по уши, ждал ее совершеннолетия и знал: однажды она станет моей женой. Этот день настал довольно скоро. Вера быстро забеременела, и мы сразу поженились. Ни разу за шестнадцать лет брака я не пожалел об этом.

Про Зою я напрочь забыл за столько лет. Если б не встретил случайно, не вспомнил бы. Она отстала от меня, когда узнала, что я женился. О том, что Зоя будет на встрече однокурсников, я не знал. Ее кто-то другой пригласил. Когда ехал к друзьям, даже не думал, что Зоя может там присутствовать, поскольку давным-давно забыл о ее существовании.

Встреча с бывшей девушкой стала неожиданностью. Семнадцать лет прошло с момента нашего расставания на последнем курсе института. Мне было приятно видеть Зою как старую знакомую. Сейчас нам по сорок, тогда было по двадцать три. Просто из человеческого любопытства было интересно, как сложилась ее жизнь.

Зоя рассказала, что у нее двое детей, с мужем развелась несколько лет назад, работает в айти-отделе крупной нефтяной компании. Она показала фотографии своих сыновей, я показал ей фотографии Майи. Все было очень мило и дружелюбно, как бывает, когда встречаются люди, которые не видели друг друга -тьцать лет.

Смех и разговоры за столом стали громче. Кто-то из приятелей не переставал заказывать новые бутылки алкоголя. И мы сами не заметили, как слишком много выпили. Ну, по крайней мере я точно много выпил. За бокалами Зои я не следил. Я не только с ней общался, но и с другими ребятами.

Она пригласила меня на танец. Это прозвучало немного неожиданно. Мой первый порыв был отказать, но потом как-то неудобно стало. Да и что в этом такого, подумал я? Просто танец. Я согласился. Мы под одну песню покрутились, под вторую. Уже было поздно. Ребята потихоньку стали расходиться по домам. Мне спешить было некуда: Вера уехала в командировку, а Майя давно не боится монстров под кроватью. Зое тоже никуда не спешила. Сыновья вполне самостоятельные.

Я помню момент, когда Зоя стала вспоминать не веселое студенчество, а наши с ней отношения. «А помнишь, Давид, как мы с тобой...». В танце она уже не просто держалась за мои плечи, а обнимала меня. Пьяным мозгом я понимал, что на опасную тропинку ступаем и надо бы остановиться. Зою я хоть и не любил так, как Веру, но визуально она мне нравилась, иначе я не стал бы встречаться с ней в институте. А с годами Зоя не сильно изменилась. В свои сорок выглядела максимум на тридцать пять. Модная прическа, стройная фигура, минимум морщин. Но ватное тело не слушалось приказов мозга, и я продолжал танцевать с бывшей девушкой.

Ближе к двенадцати ночи из однокурсников за столом остался сидеть один пьяный Арба-тов — мой лучший друг, который после института выиграл грин-карту, уехал в Америку и отлично устроился в технологической компании из Кремниевой долины. В очередном танце Зоя прижалась ко мне грудью, заглянула в глаза, провела кончиками пальцев по затылку над воротником рубашки.

— Слушай, Зой... — я попробовал сделать шаг назад, но она крепче схватила меня за шею.

— Давид, — выдохнула, — а помнишь, как мы...

Далее последовал еще один случай из наших отношений, который я совершенно не помнил.

— Зой, у меня жена... — я снова попытался отстраниться, а она не дала. Возможно, не так уж и сильно пытался. Не знаю.

— Боже, Давид, — она встала на носочки и потерлась своей щекой о мою.

Я непроизвольно вдохнул Зоин запах и почувствовал, как у меня моментально встал член.

Глава 11. Измена

Давид

Внезапно вставший член меня испугал. Грубым и резким движением я снял с себя руки Зои и отступил на шаг.

— Давид, да ты чего? — она искренне удивилась моему поведению.

Ощущая, как нестерпимо ломит в яйцах, я развернулся и, пошатываясь из стороны в сторону, зашагал к столу. Арбатов в прямом смысле уснул, упав головой возле тарелки. Я налил себе в стакан виски и выпил залпом. Зоя тоже вернулась за стол и опустилась на стул рядом.

— Давид, — взяла меня под руку, — неужели ты забыл, как нам было хорошо вместе?

Я непроизвольно бросил на Зою взгляд, но глаза как-то сами спустились от ее лица к пышной груди. Член снова дернулся и нетерпеливо занял.

— Нам же было так хорошо вместе... Ты помнишь?

— Не помню.

И это правда. За годы брака с Верой я совершенно забыл, что когда-то у меня был кто-то кроме жены. А сейчас, как назло, память стала подбрасывать сцены страстного секса с Зоей: в стенах института, на студенческих вечеринках, в совместных поездках. Пьяный мозг генерил их одну за одной, заставляя член взрываться.

Я не понимал, откуда это в моей голове. В чем дело? В алкоголе? В сексуальной Зое? Да мало ли сексуальных женщин вокруг меня было и есть? Я всегда оставался верен жене, у меня не возникало желания изменить. Даже если вставал член на какую-то случайную красотку.

— Давид, я так рада встрече с тобой, — Зоя прильнула ко мне, обняла. А в следующую секунду опустила руку на мой набухший член. — Я вижу, ты тоже рад встрече со мной.

Она гладила член через брюки. Я сконфузился, захотел отодвинуться на стуле, но Зоя не дала. Мы были одни в зале ресторана, не считая спящего на столе Арбатова. Официанты не знаю, куда подевались. Я мотнул головой по сторонам — никого не было.

— Зой, хватит, — предпринял я еще одну вялую попытку оттолкнуть однокурсницу.

А она наоборот усилила движения. Член запульсировал от нетерпения. Я был пьян, голова шла кругом, а еще и это сумасшедшее желание. Я не мог сопротивляться. Или недостаточно хотел.

Сейчас на трезвую голову с прискорбием понимаю: все же недостаточно хотел.

Дальше как в тумане. Зоя полезла целоваться, уселась на меня верхом. Она потерлась о член, и я в прямом смысле заскулил от возбуждения. Это стало последней каплей. У меня слетели предохранители, и я стал мять ее грудь и задницу.

Откуда-то послышался звук голосов, мы отпрянули друг от друга.

— Пойдем отсюда, — предложила она.

— Куда?

— Здесь наверху гостиница.

— Пойдем.

Я ни о чем не думал в тот момент кроме того, что у меня адски ломит член, и я хочу трахнуть Зою. Вот так глупо и банально. Просто взять и трахнуть. Просто спустить напряжение. Просто получить разрядку. Это трезвой головой хорошо думать, что такую же разрядку я мог получить с помощью своей правой руки. А тогда я об этом не думал. Я просто хотел трахнуть Зою и всё.

Поднявшись со стула, я понял, что еле на ногах стою. Зал ресторана закружился, словно я в центрифуге находился. Я рухнул обратно на стул, а Зоя потянула меня за руку и помогла подняться. Она быстро сняла номер на ресепшене отеля, и мы пошли к лифту. Раздеваться начали уже там. Потом на ощупь добрались до номера и буквально ввалились в него.

Зоя делала мне минет и прыгала на члене. Я получил долгожданную разрядку. Мозги были как кисель, тело не слушалось. Я не мог ни внятно мыслить, ни совершать внятные действия. Я вообще ни о чем в тот момент не думал кроме того, что мне охуенно хорошо.

Осознание ужаса произошедшего пришло под утро, когда я разлепил веки от того, что дико трещит башка, а в горле сухо как в пустыне Сахара. Сначала я не понимал, где вообще нахожусь. А потом повернул голову вправо, увидел рядом спящую Зою, и все тело ужасом пронзило. Похмелье как рукой сняло. Я подскочил на постели, огляделся по сторонам, увидел валяющийся на полу презерватив.

Меня в холодный пот бросило и волосы на затылке зашевелились, когда осознал: я изменил Вере. Я изменил своей жене, которую люблю. Впервые за шестнадцать лет нашего брака. И не с кем-нибудь, а с одной-единственной девушкой, к которой Вера когда-либо меня ревновала.

Глава 12. Иллюзия счастья

Давид

Я встал, оделся и ушел, оставив Зою спать дальше. Ехал домой с чувством того, что жизнь оборвалась. Я ненавидел и казнил себя за измену. Не понимал, как мог поддаться соблазну. Не понимал, почему не подумал о семье, почему вовремя не остановился.

Я люблю Веру, я не хочу разводиться, я не хочу изменять ей. Да, у нас не идеальная семейная жизнь. Бывают ссоры, недопонимание, раздражение друг к другу. Ну а у кого этого нет? Кто прожил вместе шестнадцать лет и ни разу не поругался? Покажите мне такую семью.

Вера была в командировке. Это немного спасало, потому что я в то утро просто не смог бы посмотреть ей в глаза. Но все равно переступив порог нашей спальни, меня бетонной плитой накрыло. Всюду лежали вещи Веры, в комнате пахло ее запахом. Я испытал наивысшую степень отвращения к самому себе. Я предал жену, я предал нас. Ненависть к собственной персоне достигла апогея.

Я пошел в душ. Хотел смыть с себя Зою. Бывшая девушка, которую я был рад видеть в начале встречи, сейчас не вызывала во мне ничего, кроме безразличия. Я прокручивал в голове танцы с ней, последующий секс и не понимал: КАК??? НУ КАК??? ЧЕМ Я ДУМАЛ???

Вернее, понятно, чем. Похоть затмила разум и здравый смысл. Мне так хотелось поддаться этому соблазну, и я поддался. Вкусил запретный плод и тем самым открыл себе врата в ад. Это была просто похоть и ничего кроме нее. Я не собираюсь уходить от жены и уж тем более мне не нужна Зоя, которую я не видел почти двадцать лет и еще столько бы не видел.

На следующий день Зоя мне позвонила. На экране высветился незнакомый номер, я взял трубку. Понятия не имею, где она взяла мой телефон. Наверное, дал кто-то из общих друзей. Мне было противно слушать ее голос. Меня аж перекосило всего. Похоть, которую я испытывал к этой женщине в злополучный вечер, сменилась отвращением и чувством безразличия.

Зоя спрашивала, куда я пропал, не хочу ли встретиться снова. Я рявкнул, что знать ее не желаю, и бросил трубку. Но Зоя не сдалась. Она снова принялась обрывать мне телефон, как тогда на последнем курсе института.

— Да что тебе от меня надо!? Что ты пристала? — я не подбирал выражений.

В институте после расставания я старался не обижать Зою и от ее назойливости отбивался очень вежливо. Сейчас мне не до вежливости.

— Давид, ну ты же был так рад меня видеть. Нам же было так хорошо. Тебе было хорошо. Я помню.

Да, мне было хорошо. Зато теперь так херово, что словами не передать.

— Зоя, я не собираюсь с тобой встречаться. Перестань мне звонить, перестань преследовать меня. Ты прекрасно знаешь, что я женат, у меня семья!

— Да, женат на той малолетке, — хмыкнула. — Я помню. Не переживай, твоей жене я не буду докладывать. Не хочу даже мारаться об нее. Просто сам подумай, что нашей ночи не случилось бы, если бы в твоей семье все было хорошо. Когда мужчина любит жену и счастлив с ней, он не изменяет. Ты несчастен с ней, Давид. Подумай об этом.

Это был первый раз, когда Зоя сама положила трубку после разговора со мной. Обычно первым сбрасывал я.

Я не собирался принимать всерьез слова Зои. С Верой я счастлив, секс у нас хороший, хотя не так часто, как хотелось бы. Ты она в командировке, то я, то мы устаем, то ссоримся, то по очереди бодем. Но когда дорываемся друг до друга, остановиться не можем. Я не могу сказать, что мне чего-то не хватает в постели с женой. Разве что регулярности. Но это не такая уж глобальная проблема.

Близилось возвращение Веры из командировки. Я понимал, что должен честно ей во всем признаться. Нет, не потому что боюсь, что Зоя все-таки донесет. А потому что Вера не заслуживает такой лжи. А я больше не заслуживаю ее любви.

Ложь во благо — это бомба замедленного действия. Все тайное рано или поздно становится явным. И это тоже однажды станет явным. А если Вера узнает о моей измене спустя годы, ей будет намного больнее. Она не заслуживает жить в иллюзиях, в которых жила моя мать.

Мама любила отца, все для него делала: стирала, убирала, готовила, встречала с работы. Я вырос в образцовой семье любящих людей. И я тоже любил родителей, любил отца. Он был для меня примером. Я сильно переживал, когда папа внезапно умер. Мне было шестнадцать лет. Для мамы это стало трагедией, она была молодой красивой женщиной, но после смерти папы и думать не хотела о новых отношениях. Она почти каждый день ходила на его могилу, писала ему письма, разговаривала дома с его фотографией. Все время вспоминала, каким он был хорошим и замечательным. Утверждала: ни один новый мужчина с ним не сравнится. Поэтому даже не хотела ни с кем знакомиться.

А однажды мама в очередной раз пришла к папе на могилу и встретила там с его любовницей и их общим ребенком. Розовые очки разбились стеклами внутрь не только у мамы, но и у меня. Оказалось, наша идеальная образцовая семья была пылью и пшиком. Фантиком от гнилой конфетки. У моего папы — примерного мужа, примерного отца, примерного семьянина — имелась вторая женщина и дочка от нее.

Это в прямом смысле убило маму. Когда правда вскрылась, родительницы слегла в кровать и больше не встала. Она перестала ходить на работу, отвечать на телефон, общаться с родственниками и знакомыми. Целыми днями мама бледная как простыня лежала в кровати и не вставала. К еде, которую я приносил ей в комнату, почти не притрагивалась. А однажды я вернулся домой после занятий в институте и обнаружил маму мертвой. Внезапная остановка сердца. Мне было двадцать лет, когда она умерла.

«Нет ничего хуже, чем любить человека, который этого не заслуживает», так однажды сказала мне сестра про нашего отца. Как это ни странно, а я с ней общаюсь. Ну, она же не виновата в том, что у нас с ней такой лживый двуличный отец. Мою сестру зовут Рита, она на пять лет младше меня. И в отличие от меня она всегда знала, что на самом деле из себя представляет наш отец, поэтому ни на грамм не любила его.

К словам Риты я бы еще добавил, что нет ничего хуже, чем жить в иллюзии счастья. Я люблю Веру и не хочу для нее такой же участи, как у моей матери. Поэтому я решил признаться жене и теперь лишь могу надеяться на то, что однажды она меня простит.

Глава 13. Ложь порождает новую ложь

Вера

Доработать день получается с большим трудом. Я не могу думать больше ни о чем кроме того, что Давид был с НЕЙ. Придя домой, начинаю собирать вещи мужа и пишу ему сообщение, чтобы приехал за ними завтра после работы. Я уже даже субботы ждать не хочу. Я не смогу дожить в квартире до выходных, находясь в кругу вещей супруга.

Давид ожидаемо сразу звонит.

— Алло, — нехотя поднимаю трубку.

— Вер, пожалуйста, не пори горячку...

Опять он со своей горячкой. Перебиваю, не дав договорить:

— Я не порю горячку. Неделя прошла с того дня, как ты признался в измене. Я всю неделю думала и решила, что не хочу видеть в квартире твои вещи. Согласись, неделя — приличный срок.

Мне даже голос его слышать больно. Горло сводит спазмом. Сглатываю тугой ком.

— Сегодня, когда мы разговаривали в моем кабинете, ты сказала, чтобы я приехал за вещами в субботу. А теперь говоришь приезжать завтра.

— Да, я не хочу видеть твои вещи до выходных.

— И ты еще говоришь, что не порешь горячку?

Психанув, швыряю на пол рубашку Давида и сажусь на кровать.

— Послушай, чего ты добиваешься? Моего прощения? Его не будет.

Давид тяжело вздыхает в трубку.

— Вера, пожалуйста, дай мне шанс все исправить. Я прекрасно осознаю свою вину, я раскаиваюсь. Вера, я люблю тебя. Я не хочу тебя терять. Подумай о нашей семье, о нашем ребенке. Зачем ты все рушишь?

Сильнее стискиваю телефон в руке.

— Не надо перекладывать на меня вину за наш развод.

— Я не перекладываю на тебя вину.

— Нет, ты перекладываешь на меня вину, — повышаю голос. — Ты обвиняешь меня в том, что я все рушу. То есть, не ты разрушил нашу семью, когда изменил мне. А я разрушаю нашу семью, когда собираюсь развестись. Очень интересная мужская логика.

— Вера, я лишь прошу тебя дать мне шанс все исправить.

— Я сомневаюсь, что у тебя получится изобрести машину времени и вернуться в прошлое, чтобы все исправить. С меня хватит, Давид. Приезжай завтра и заberi свои вещи, иначе я вышвырну их на помойку. Не зли меня еще больше.

Я бросаю трубку и продолжаю со злостью кидать вещи мужа в чемоданы. Когда они заполняются до краев, я иду в супермаркет и покупаю большие мусорные мешки. Оставшуюся одежду и обувь отправляю туда. Но у Давида такое огромное количество вещей, что голова идет кругом. Кажется, они никогда не закончатся. Помимо одежды у него тонны книг, документов, подарков от знакомых. Я скидываю в мешки всё, даже любимую кружку Давида.

За своим занятием я не слышу, как хлопает входная дверь и в квартиру заходит дочка.

— Мам, а что ты делаешь?

Я подпрыгиваю на месте. Коробка антикварных хрустальных бокалов девятнадцатого века, из которых Давид любит пить вино, падает у меня из рук. Дорогущие бокалы со звоном разбиваются.

Тишина повисла свинцовой тяжестью. Майя стоит в дверях спальни с широко раскрытыми испуганными глазами.

— Мааам, что случилось? — оглядывает комнату с десятком мусорных мешков на полу.

Майя сегодня гуляла с друзьями допоздна. Когда я пришла с работы, ее не было. Я принялась собирать вещи Давида, совсем не подумав, как на это отреагирует дочь. И теперь я стою перед ней и не знаю, как объяснить то, чем занимаюсь.

— Мам, да что ты молчишь? Ты можешь сказать мне, в чем дело? Что происходит?

У меня есть несколько секунд, чтобы решить: солгать Майе или сказать правду. Дочь так напугана, аж затряслась. Я не хочу пугать ее еще больше. Я не хочу заставлять ее плакать. От слез Майи — даже по пустякам — мне самой разрыдаться хочется. Надо что-то придумать, надо что-то солгать.

Но я ведь сама хотела, чтобы дочь знала правду? Заставляла Давида рассказать. А сейчас смотрю в глаза Майи — такие большие, чистые, искренние — и не могу. Майя в свои пятнадцать лет хоть знает, что такое измена? Как мне сейчас вывалить на нее правду?

«Твой папа мне изменил со своей бывшей девушкой» — так и сказать, что ли? Или надо подобрать какие-то красивые фразы? Типа: «Мы с твоим папой поняли, что мы разные люди». «Мы с твоим папой решили, что нам лучше быть друзьями».

Ага, шестнадцать лет жили и не были разными людьми, а теперь вдруг стали.

Ложь порождает новую ложь. Мы уже солгали Майе, что Давид временно живет на даче из-за ремонта. Теперь, чтобы не попасться, надо лгать дальше. Такими темпами клубок из лжи будет нарастать, как снежный ком. Пока не убьет кого-то.

— Папа завтра заберёт это на дачу, — говорю, наконец.

— А что в этих мешках?

— Его вещи.

Майя непонимающе глядит на меня.

— Папа пока не будет жить с нами, — решаюсь на осторожную правду. Не знаю, лишнее ли слово «пока». — Папа будет жить на даче и заберет свои вещи туда.

— А почему ты складываешь его вещи в мусорные мешки?

— Потому что вещей слишком много, и в чемоданы они не помещаются.

Майя хмурится. Еще раз осматривает чёрные мешки.

— Ладно... Много ты собрала. У меня тоже есть кое-что ненужное, что можно отвезти на дачу.

— Ага, собери в мешок. Папа завтра заберёт.

Майя кивает и уходит в свою комнату. Она так и не поняла, что вещи Давида уезжают из квартиры навсегда.

Ложь порождает новую ложь.

Глава 14. Безумец

Давид не приезжает за своими вещами на следующий день. Как и через день. Как и через два. Вместо этого он каждый день присылает мне домой цветы курьером. В каждый букет вложена записка с извинениями, признаниями в любви и каким-нибудь леденящим душу воспоминанием из нашего счастливого прошлого.

Цветы летят в помойку, а вот выбросить вещи Давида, как грозила ему по телефону, духу не хватает. Я засовываю чемоданы и мешки с его одеждой в кладовку, чтобы не мешались под ногами и не мозолили глаза. Была бы я чуть посмелее, отнесла бы к мусорным бакам на улице. Но меня будто что-то тормозит. Рука не поворачивается выбросить. Хотя я по-прежнему не намерена прощать Давида.

На работе мы видимся только на утренних планерках. Общаемся исключительно по делу. Я стала спокойнее, перестала плакать, сидя за компьютером. Больше не бегаю к зеркалу в туалет, чтобы замаскировать следы слез и бессонных ночей. Но все равно без боли в сердце не могу смотреть на Давида и разговаривать с ним. Даже на совещании слышать его голос — ножом по открытой ране.

«Приятно снова видеть твою красивую улыбку»

Такое сообщение с незнакомого номера я получаю утром в пятницу во время совещания. Двадцать секунд назад я тихо хихикнула от мема, присланного подругой. Инстинктивно поднимаю лицо от телефона наверх и встречаюсь взглядом с Тимуром. Он держит в руках смартфон, так что нет сомнений: сообщение написал он.

Совершенно наглые взгляды айтишника в свой адрес я стараюсь упорно игнорировать. Мальчишка при каждом удобном случае сыплет комплиментами, что вгоняет меня в полное недоумение. Я ведь жена его босса. Ну, Тимуру же неизвестно о наших с Давидом разногласиях. А вдруг я пожалуюсь мужу на то, что новый сотрудник откровенно ко мне клеится? Кажется, его это не беспокоит. А теперь он вообще где-то достал мой номер телефона и написал в мессенджере.

«Черная полоса миновала?»

Еще одно сообщение от Тимура. Я не знаю, каким словом охарактеризовать мальчишку. Пожалуй, «безумец» подходит лучше всего. Потому что надо быть настоящим безумцем, чтобы подкатывать к жене своего начальника. Причем, в его присутствии.

Давид спорит с директором по продукту, а я опускаю на лицо волосы, чтобы спрятать вспыхнувшие щеки. Если отбросить, что Тимур сумасшедший, то, блин, мне приятно его внимание. Ну, в смысле, не конкретно внимание от Тимура, а в целом внимание от представителя противоположного пола. Я замужем всю свою сознательную жизнь, всегда носила на пальце кольцо, поэтому ни один мужчина не рисковал заговорить со мной. Даже был период, когда я думала, будто посторонние мужчины не обращают на меня внимание не потому, что я с обручальным кольцом, а потому что я некрасивая. Моя самооценка тогда поехала сильно вниз. Ну а потом как-то само собой прошло.

И вот впервые за шестнадцать лет замужества на меня обратил внимание кто-то помимо Давида. При том, что обручальное кольцо я не сняла. Не хочу, чтобы на работе пошли преждевременные сплетни о моем разладе с супругом.

«Слезы тебя не красят. Исключи из своей жизни людей, которые заставляют тебя плакать»

Боже, да он точно в своем уме такое мне писать!?

Тимур — настоящий компьютерный гений. Теперь я понимаю, почему Давид так долго за ним охотился. И как любой гений, Тимур в чем-то безумен. Это видно по его манерам, поведению, стилю общения. Он отличается от остальных. Я много айтишников повидала, начиная

от своего мужа и заканчивая сотрудниками нашей компании. Тимур другой. Он живет в собственном мире и в своей параллельной Вселенной. У него нет рамок. Он делает, что хочет.

«Расстегни верхнюю пуговицу своей блузки»

Меня словно ведром ледяной воды обдает. Ну разве он не безумец — отправлять такое сообщение жене босса??? Я поднимаю испуганный взгляд на Тимура и по его наглым глазам понимаю: мысленно он уже расстегнул мою верхнюю пуговицу. И не только ее.

«Я пожалуюсь на тебя своему мужу!», печатаю с возмущением.

«Не пожалуешься»

Ах вот как!

«Откуда такая уверенность?»

«Во-первых, вы на грани развода»

Я зависаю над словами Тимура. Перечитываю несколько раз. Что...? Откуда он знает!? У меня нет на лбу жирной татуировки: «Муж мне изменил». Другие сотрудники компании тоже догадываются?

«А во-вторых?»

Не знаю, зачем спрашиваю.

«А во-вторых, я тебе нравлюсь. Просто ты еще этого не поняла»

Сумасшествие какое-то. Надо поставить мальчишку на место. Наглый хам. А почему бы, действительно, не пожаловаться на него Давиду? Перевожу взор на мужа и моментально чувствую острую боль от его предательства. Лучше бы я не смотрела на Давида. Снова опускаю глаза в телефон.

«Ты прячешь свою красоту за пуговицами, высокими воротниками и длинными юбками. Зачем? Не бойся демонстрировать свою красоту этому миру»

«Ты безумец»

«Хочешь, я покажу тебе все грани своего безумия? Обещаю: тебе понравится»

Меня бросает в холодный пот. А щеки наоборот пылают. Голова резко закружилась.

«Расстегни верхнюю пуговицу своей блузки», повторяет просьбу.

Нет, это не просьба, а требование. И я слышу, каким голосом Тимур его произносит. Низким, с легкой хрипотцой и при этом с властными стальными нотками.

Его невозможно слушаться.

Или я тоже обезумела?

Слушая голос своего мужа и глядя Тимурову ровно в глаза, расстегиваю верхнюю пуговицу блузки.

Глава 15. Развода не будет

В субботу утром я вместе с Майей еду за город в ресторан, в котором пройдет празднование дня рождения нашей компании. Все желающие смогут остаться на ночь в гостевых домах на территории ресторана. Обычно желающих продлить корпоратив много, несмотря на наличие семей.

День рождения фирмы всегда был очень большим праздником для нас с Давидом. Мы оба положили все свои силы на благо бизнеса. Давид, конечно, больше, но и мой вклад значителен. Помимо сотрудников компании на корпоратив мы так же приглашаем близких родственников и друзей. Наша дочка всегда присутствует, часто приезжает с семьей сестра Давида по отцу, Маргарита, мои родители. Если Арбатов — лучший друг мужа — сейчас в Москве, то наверняка и он тоже будет.

Гости соберутся в четыре часа. А пока я заканчиваю отдавать распоряжения по украшению ресторана и заселяюсь в гостевой дом. Он у нас с Давидом и Майей общий, двухкомнатный. Одна спальня для дочки, а вторая для нас с мужем. Бронь была сделана до того, как Давид признался в измене, а отменить уже было нельзя. Я не знаю, как мы будем спать этой ночью. О том, чтобы лечь в одну кровать с Давидом, не может быть и речи. Я надеюсь, он не останется на ночь и уедет.

Давид приезжает за полчаса до официального начала. Я уже в ресторане, готова встречать гостей. На мне шелковое платье-комбинация розового цвета, а сверху строгий черный пиджак. Макияж и прическу я сделала сама. Я знаю, что выгляжу красиво, и все равно, когда читаю в глазах мужа восхищение, рдею под слоем тонального крема и пудры.

Давид направляется прямо ко мне. Мы одни в ресторане, если не считать снующих туда-сюда официантов. Гости еще не приехали, Майя где-то ходит. Я стою у столика с бокалами шампанского и не в силах пошевелиться, глядя, как муж — красивый и уверенный в себе — устремился ко мне.

— Привет, Вера, — мягко улыбается.

Я слглатываю быстро образовавшийся ком в горле. Мы давно не разговаривали тет-а-тет. А сейчас еще и обстановка неформальная. Давид не перестает рассматривать меня. Я читаю в его взгляде жадность и голод. Обычно муж так на меня смотрит, когда мы долго не видимся или когда у нас долго не бывает секса. Раньше я любила этот его собственнический взгляд. А сейчас мне не по себе.

— Привет, Майя где-то ходит. Поищи ее у озера.

— Я уже виделся с Майей.

— Тогда можешь идти заниматься своими делами.

— У меня сегодня нет дел, кроме тебя. Вера, давай поговорим.

Давид берет мою ладонь. Это первое физическое прикосновение друг к другу с того момента, как наша жизнь разделилась на «ДО» и «ПОСЛЕ». Рука Давида обжигает огнем. Я хочу вырвать свою ладонь, но муж не дает, крепко держит. Я натягиваюсь струной. Сердце стучит в ушах.

— Хватит, Давид, о чем нам говорить? Я подам на развод в самое ближайшее время.

— Я не дам тебе развод, Вера. Я не отпущу тебя.

А вот это что-то новенькое. Ну и заявление. Не даст развод?

Мне сложно сдерживать себя, когда Давид так близко. Потому что я никак не могу смириться с тем, что мы теперь посторонние люди. Вот же он, такой родной и любимый, так близко. Но нет, больше не родной и любимый. Чужой. Хотя сердце все еще трепещет в груди, как будто мне семнадцать, и мы только познакомились.

Мне хочется наброситься на Давида с кулаками. Бить его, кричать, плакать. Потому что мне больно. Мне до смерти больно, как будто с меня живьем кожу сдирают. Как будто под ногти иголки засовывают. Но вместо этого я стою и из последних сил сдерживаюсь.

— Развода не будет, Вера.

Давид говорит жестко и бескомпромиссно.

— Все кончено, Давид.

— Ничего не кончено.

— Отпусти мою руку, — цежу.

Давид наоборот сдавливает сильнее.

Дверь ресторана распаивается. На мое спасенье появляется первый гость корпоратива. Тимур.

Глава 16. Свинцовая тяжесть

Айтишник на мгновение тормозит у порога, оглядывается. Затем, увидев меня с Давидом, направляется к нам. Он снова почти во всем белом. Кажется, это любимый цвет Тимура. Белые кеды, от которых слепит глаза, белые джинсы. Рубашка, правда, голубая.

— Добрый день, — у него и улыбка белоснежная, как будто специально отбелял зубы. Тимур остановился возле нас, протянул Давиду руку.

— Привет, Тимур, — муж добродушно здоровается с подчиненным. — Спасибо, что заглянул к нам на огонек.

Давид больше не держит меня, в присутствии постороннего делает вид, будто все в порядке. А вот я по-прежнему натянута струной. Еле выдавливаю из себя приветственную улыбку.

— Поздравляю вас с днем рождения компании. Вы построили большое дело.

Давид и Тимур обмениваются любезностями. А мне становится еще больше не по себе. Ведь Давид даже не подозревает о моем флирте с Тимуром. Сама до сих пор поверить не могу, что расстегнула тогда пуговицу на блузке. Это было какое-то секундное наваждение. Я потом сильно пожалела.

Я серьёзная женщина: жена, мать, бизнесвумен, как бы пафосно это ни звучало. А тут какой-то юнец. У нас, может, и не большая разница в возрасте, всего шесть лет, но чувствуется она сильно. Мы из разных миров. Тимур хоть и гений своего дела, а легкомысленный и с ветром в голове. Сразу видно: он никогда не имел ни перед кем серьезных обязательств. У него просто нет такого опыта.

Дверь ресторана снова распаивается, заходят еще несколько сотрудников. Я облегченно выдыхаю. Людей будет становиться больше, а значит, Давид не рискнет слишком сильно лезть ко мне с разговорами о наших проблемах.

Вот только зря я расслабляюсь.

Давид предлагает гостям выпить шампанского. Все берут по бокалу, я и муж тоже. А потом Давид свободной от шампанского рукой обнимает меня за талию. Делает это очень естественно, как само собой разумеющееся. Я резко поворачиваю на Давида голову. Хочу возмутиться, но слова застревают в горле.

— Давид, Вера, с днем рождения вашей компании! Мне так нравится у вас работать! — произносит тост главный бухгалтер Галина.

— Спасибо, Галя. Мы с женой максимально стараемся, чтобы компания процветала. Да, Вера?

Коротко киваю напряженной шеей.

Сотрудники не видят ничего необычного в том, что Давид меня обнял. Мы не скрываем чувства на публике. Конечно, не целуемся прилюдно. Но вот так меня обнять, накинуть куртку мне на плечи, взять у меня тяжелую сумку, приблизить к себе в танце чуть сильнее положенного — Давид может. В глазах сотрудников это выглядит нормально. Все знают, что мы муж и жена.

Я делаю глоток холодного шампанского, чтобы смочить пересохшее от напряжения горло. Открывается дверь ресторана, появляются новые гости. Идут к нам, тоже берут бокалы. Звучит новый тост, всем весело, все смеются. Мне тоже приходится. И только Тимур ни разу не улыбнулся. Он не сводит с меня пристального взгляда. Словно пытается прочесть мои мысли.

Рука Давида на моей талии давит свинцовой тяжестью. Прожигает кожу сквозь пиджак и тонкое шелковое платье. Ступни на высоких шпильках затекли и стали болеть. Еще глоток шампанского. Голова пошла кругом.

Жарко. Расстегиваю пуговицы на пиджаке. За этим прослеживают только два мужчины: Давид и Тимур. У обоих жадный взгляд. Давид крепче прижимает меня к своему телу. Края пиджака распахнулись, Тимур смотрит на мою грудь. Затем поднимает глаза к моему лицу.

Этот пацан реально сумасшедший! Он лапает меня глазами в присутствии моего мужа!

Диджей включает музыку. Новый тост, новый звон бокалов. В ресторан заходит Марго — сестра Давида по отцу.

Только теперь я расслабляюсь и выдыхаю с облегчением. Осторожно скидываю с себя руку мужа, делаю небольшой шаг в сторону. Обнимаюсь с Ритой, целую ее в щеку. И направляюсь на веранду. Мне нужно проветриться. Я не оборачиваюсь, но знаю: Тимур идет за мной.

Глава 17. Поцелуй

На веранде дует ветер. Скрешиваю руки на груди, чтобы чуть согреться. Я не брала с собой верхнюю одежду. Хотела освежиться, но теперь стало зябко. Дверь за моей спиной открывается и закрывается.

— Замерзнешь, — звучит голос Тимура.

Оборачиваюсь, он подаёт мне плед. Они лежат стопкой на стуле у двери. Не заметила их, когда вышла на веранду.

— Спасибо.

Я накидываю на плечи мягкий плед и смотрю перед собой на открывающийся красивый вид. Здесь хорошая зона отдыха: ресторан окружен маленькими деревянными домиками, за ними чистое озеро и лес. Воздух свежий и слегка сладковатый. После загазованного мегаполиса — не надышаться.

— А с мужем, я смотрю, у тебя совсем все плохо, — Тимур стоит рядом и тоже смотрит перед собой на домики и озеро.

— Сотрудников компании это не касается.

— Ну как же? Будете разводиться, начнете делить бизнес. Это неминуемо скажется на всем персонале.

— Мы не будем разводиться.

Сама не знаю, правду ли сейчас сказала. Давиду полчаса назад я, наоборот, заявила о разводе. А реальность такова, что у меня до сих пор нет решения. Я четко понимаю, что жить дальше с Давидом не хочу. Но в то же время не хочу причинять боль нашей дочке и не хочу дербанить компанию на куски.

— А что тогда у вас будет? Фиктивный брак? Со штампом в паспорте, но у каждого своя жизнь?

— Сотрудников компании это не касается.

Я не очень понимаю, что такое фиктивный брак и зачем он нужен. В моем представлении люди или вместе, или не вместе. И если у каждого своя жизнь, то зачем сохранять штамп в паспорте?

Все это слишком сложно, и у меня уже голова рвется на части. А самое ужасное: понимая, что не хочу больше жить с Давидом, я в то же время не хочу, чтобы и у него кто-то был. Представляя, что после нашего расставания у Давида со временем кто-то появится, чувствую в области сердца новую острую боль.

А если он сойдется со своей бывшей?

От одной только мысли об этом мне становится плохо.

— Ты достойна лучшего.

Не выдерживаю и поворачиваюсь лицом к Тимуру.

— Лучшего — это кого? Тебя?

— Да, — уверенно заявляет.

Я не устаю поражаться наглости пацана.

— Слушай, а ты не боишься, что Давид надает тебе по морде и вышвырнет из компании?

— Не боюсь.

— Вот как, и откуда такая смелость?

— Во-первых, я тоже умею давать по морде. А во-вторых, я не боюсь быть уволенным из вашей компании.

— Да? И что ты будешь делать, если Давид уволит тебя?

— Пойду работать на ваших конкурентов.

Пацан не промах. Знает, на какие чувствительные точки давить. Давид полгода — или сколько там, не помню — гонялся за Тимуром, огромную зарплату ему на стол положил. Понимает, что Давиду меньше всего хочется его ухода к конкурентам.

— Да что у тебя в голове!? — восклицаю.

Я просто в шоке от пацана.

— У меня в голове — ты.

Я аж рот приоткрываю. Гляжу на наглого пацана во все глаза. Еще никто и никогда не говорил мне таких дерзких вещей. Если отбросить, что Тимур наглый хам, малолетка и так далее, то...

Мне приятно.

Мне, мать твою, приятно, что меня хочет кто-то помимо изменившего мне Давида.

— Там диджей медленную песню включил. Слышишь? Пойдем потанцуем.

Еще на бесконечно долгие несколько секунд выпадаю в осадок. Пойти с ним танцевать? При всех? На виду у Давида?

Перевожу взгляд на панорамное окно в ресторан. Давид разговаривает с несколькими сотрудниками. Пьет шампанское, смеется, у него хорошее настроение.

— Мам! — звучит громко голос Майи. Я дергаюсь, словно из глубокого сна вынырнула. Разворачиваюсь обратно. Дочка спешит по газону к веранде. — Мам, я пошла в лес и чуть не заблудилась!

Запыхавшаяся Майя взбегает вверх по деревянным ступенькам веранды и тормозит возле нас с Тимуром.

— Ужас, мам, я так испугалась! Сеть на телефоне пропала, я не могла позвонить! Я еле нашла дорогу обратно.

— Господи! — бросаюсь обнять дочку. У самой сердце от страха задрожало. — А зачем ты пошла одна в лес?

— Я хотела сделать наброски в альбом. Пока искала подходящий пейзаж, не заметила, как ушла слишком далеко. Но набросок я все равно сделала! Смотри, — дочь выпутывается из моих объятий, снимает со спины рюкзак и достает альбом. Пролистывает несколько страниц и показывает рисунок графитным карандашом. — Там есть отличные виды. Жаль, я не взяла мольберт с красками.

— Чтобы снова пойти в лес и снова заблудиться!? — ужасаюсь.

— Ну, я уже запомнила дорогу.

Кошмар просто. Картины забили Майе всю голову.

— Ты художница? — звучит сбоку.

Я уже и забыла про Тимура. Как по команде, мы с Майей поворачиваем к нему головы.

— Д-да, — не очень уверенно отвечает дочка и вопросительно глядит на меня, мол, кто это. Майя знает всех сотрудников компании в лицо и по менам, она часто приезжает к нам с Давидом на работу. Но так как Тимур новенький, его видит впервые.

— Это наш новый сотрудник айти-отдела Тимур, — представляю его дочке. — Работает всего несколько недель.

— Понятно. А я Майя.

Тимур обворожительно улыбается.

— Красивое имя. И ты очень похожа на свою маму, Майя.

— Правда? — я цепляюсь за последнюю фразу, как утопающий за соломинку. Как по мне, Майя похожа на Давида. Поэтому когда кто-то посторонний говорит, что дочка похожа на меня, я радуюсь, как наивный ребенок.

— Да. Твои глаза, твои черты лица.

— Спасибо, — искренне благодарю.

Майя смеется.

— Мам, мне тоже кажется, что я больше на тебя похожа, чем на папу.

Дочка лхнет ко мне, чтобы обнять. Надеюсь, глядя на меня с ребенком, Тимур поймёт, что не следует ко мне клеиться? Может, у него наконец-то что-то щелкнет в голове, и он начнет рассуждать здраво?

— Ты вся холодная, — трогаю дочку за нос, щеки, руки. — Пойдем в ресторан.

— Да, пойдем, я замерзла в лесу.

Мы оставляем Тимура на веранде и проходим в теплое помещение. От контраста в температуре по коже пробегают мурашки. Я хоть и была укутана в плед, а все равно заледенела.

— А этот Тимур чем занимается? — любопытничает Майя.

— Я же сказала: айтишник.

— У вас там все айтишники.

— Я точно не знаю его конкретный круг обязанностей.

— А раньше он где работал?

— Я так понимаю, в Америке. Он к нам прямиком из США.

— Ого, интересно, — дочь оглядывается назад, чтобы еще раз посмотреть на оставшегося стоять на веранде Тимура. — По-моему, у вас еще не было сотрудников из Америки?

— Не было.

— И он переехал в Россию специально для работы у нас?

— Не знаю. Спроси у папы. Насколько мне известно, твой отец полгода или больше заманивал его к нам. Может, и ради нас переехал. Твой папа ему баснословную зарплату выложил. Ради такой можно было сменить страну проживания.

Если честно, я негоую. Да, Тимур очень талантлив. Если не сказать гений. Но то, сколько Давид ему платит, это перебор. У нас есть сотрудники, которые работают дольше и ничем не хуже, а получают в разы меньше.

— А что он делал в Америке? — Майя продолжает любопытничать, рассматривая Тимура через панорамное окно.

— Учился и вроде где-то работал.

— Я тоже хочу поехать учиться в Америку.

От такого заявления дочери я вырастаю в пол.

— Что!? — восклицаю в ужасе.

— В США есть очень хорошая академия живописи...

Майя начинает взахлеб рассказывать про академию живописи, а я больше ничего не слышу, кроме бешеного стука собственного сердца. Отпустить единственную дочь одну куда-то за океан??? Да ни за что в жизни.

— Никакой Америки! — резко обрываю. — Что за глупости лезут тебе в голову?

— Да почему глупости!?

— Майя, нет!

— Но почему!?

— Потому что ты еще маленькая.

— Так это не сейчас, а после школы.

— Ты и после школы будешь маленькой.

— Ты после школы вышла замуж за папу и родила меня, — деловито упирает руки в бока. Резонное замечание.

— Но я же не уезжала в Америку. Все, Майя, я не хочу это обсуждать. Выброси эту ерунду из головы. Мы уже решили, куда ты пойдешь учиться.

Дочка недовольно вздыхает. Я чувствую, что слегка перегнула палку. Обнимаю Майю.

— Ну как же мы с папой без тебя?

— Так бы сразу и сказала, что вы просто не хотите остаться одни, — в голосе дочери звучит обида.

— Давай вернемся к этому разговору, когда ты будешь в выпускном классе. Хорошо?

— Угу.

Не надо говорить Майе категоричное «нет» и расстраивать ее. Дочке и так предстоит узнать о нашем с Давидом разладе. Даже не представляю, как объявить ей об этом.

Майя уходит поздороваться с Ритой. Она хорошо ладит с сестрой Давида. Я подхожу к бару и прошу сделать мне горячий чай с лимоном. Мой взгляд встречается со взглядом мужа. Я быстро отвожу глаза в сторону. Груз обстоятельств снова ложится на меня бетонной плитой. Кажется, чем дольше я затягиваю с конкретным решением, тем хуже всем делаю. А на подкорке крутится: «Если разведешься, у Давида будут другие». И от этого так невыносимо плохо становится, что жить не хочется.

— Спасибо, — благодарю бариста за чай.

Я поднимаюсь по лестнице на второй этаж ресторана. Здесь есть несколько маленьких уютных залов, в которых можно пообщаться в тишине. Я захожу в первый. Тут никого. Сажусь на мягкий стул у туалетного столика, перевожу дыхание. Несколько мгновений рассматриваю себя в зеркале.

Мне тридцать четыре. У меня появились маленькие морщины вокруг глаз. Я регулярно посещаю косметолога и массажиста. У меня персональный тренер в спортзале. Я исключила из своего рациона фастфуд, газировку и продукты с высоким содержанием сахара.

Ровно половину своей жизни я провела с одним-единственным мужчиной — Давидом. Я никогда не занималась сексом, не целовалась и не ходила на свидания с кем-то кроме Давида. На меня никто никогда не смотрел как на женщину, кроме Давида. Никто не проявлял ко мне открытого интереса, кроме Давида.

Пока не появился совершенно безумный и наглый Тимур.

Достаю из маленькой сумочки на плече пудру. Слегка прохожусь губкой по лицу. Делаю глоток чая. Обжигающий напиток комком катится по пищеводу и проваливается в желудок. Сразу становится жарко, и я снимаю пиджак.

Тимур появляется меньше, чем через минуту. Я знала, что он поднимется за мной. И ждала его появления. Вытягиваюсь струной и смотрю на пацана в зеркало. Он нарочито медленно двигается ко мне. Его идеально белые кроссовки и джинсы слепят глаза. Останавливается ровно за спиной и тоже смотрит на меня через зеркало. Склоняется к моему уху, отчего я почти перестаю дышать.

— Без пиджака тебе в этом платье лучше.

Россыпь ледяных мурашек моментально пробегает по телу волной. На мне шелковое платье-комбинация на тонких бретелях. Такие сейчас в моде, но на самом деле они похожи на ночную сорочку. И носить их без прикрывающего верха, как по мне, просто неприлично. Начнем с того, что с таким платьем не наденешь лифчик, потому что он отовсюду будет торчать.

— Очень сексуально.

Тимур проводит носом по шее и... целует стиб между шеей и плечом.

Тело простреливает молнией, я хватаюсь ладонями за края туалетного столика. Соски моментально напрягаются. Тимур видит это через тонкий шелк платья.

— Не надевай больше этот пиджак, он тебе не идет.

Меня парализовало от шока. Но не из-за того, что Тимур осмелился меня поцеловать, а из-за реакции моего тела на этот едва ощутимый легкий поцелуй. Я не могу ни пошевелиться, ни слово вымолвить. Тимур бросает на меня последний взгляд в зеркало и уходит из комнаты. А я так и остаюсь сидеть. Я не просто в шоке, я обескуражена.

Я... я...

Кожа покрыта мурашками, соски бесстыже торчат через платье, а между ног разливается тепло.

Глава 18. Это навсегда

«Ты где?»

Я прихожу в себя, только когда получаю сообщение от Давида. Встрепенувшись, смотрю на время. Я уже полчаса здесь сижу. Чай остыл, я к нему больше не притронулась. Тимур словно загипнотизировал меня. А сейчас я чувствую себя так, будто вынырнула из глубокого сна. Подскакиваю на ноги и бегу вниз к гостям.

Давид ловит меня внизу у лестницы.

— Вера, куда ты пропала? Я тебя обыскался.

— Я была наверху.

— Что ты там делала?

— Отдыхала.

Давид смотрит на меня с беспокойством.

— Я в порядке. Просто хотела побыть одна. А зачем ты меня искал?

— Ты куда-то исчезла, я стал волноваться.

В подтверждение своих слов Давид берет меня за руку. Прикосновение мужа жалит, я хочу одернуть руку, но почему-то не делаю этого. Вдруг понимаю: мне стыдно за то, что происходит между мной и Тимуром. Я чувствую себя плохой и виноватой.

— Потанцуем? — вдруг спрашивает.

Не дожидаясь моего ответа, муж ведет меня куда-то. Механически передвигаю ногами, следуя за ним. Давид останавливается на месте для танцев. Поворачивает к себе лицом, кладет руки мне на талию и придвигается ближе. Увидев нас, диджей включает медленную песню.

Танцующих пар нет. Мы единственные, и уже привлекли внимание гостей. На нас смотрят, поэтому мне приходится положить ладони Давиду на плечи. Не вырываться же прилюдно из его рук. Муж не обращает ни на кого внимания, он внимательно вглядывается в мое лицо, как будто пытается что-то по нему прочитать.

Тоже осмеливаюсь поднять на него глаза. И чувствую болючий удар под дых.

Я скучаю по Давиду. Но не по тому Давиду, который сейчас стоит передо мной. А по другому Давиду, который был еще месяц назад. По Давиду, который не изменил мне.

Я скучаю по нам. Но не по тем нам, которые сейчас крутятся в медленном танце. А по нам, которые были еще месяц назад. По Давиду, который мне не изменил. По себе, которая ни с кем не флиртовала и не позволяла никому того, что позволяет юнцу Тимуру.

Как отмотать время назад? Как вернуться в счастливое прошлое? Я бы все за это отдала.

— Я люблю тебя, Вера, — говорит муж.

Произносит признание тихо и как что-то естественное. Вообще-то раньше Давид именно так и признавался мне в любви. Просто невзначай. Например, в машине во время пробки. Или в очереди на кассе в супермаркете. Или во время прогулки по парку. Тогда его признания очень меня трогали. Я даже прослезиться могла. А сей пс у меня еще больше душа в ключья.

— Не надо, Давид. Я не хочу это слышать. Я танцую с тобой только потому, что на нас смотрят люди.

— Помнишь наш первый танец?

Хмыкаю.

— Если ты думаешь растопить мое сердце воспоминаниями, то ничего не получится.

Против своей воли погружаюсь в воспоминания. Наш первый танец был чем-то волшебным. По венам шаршил сумасшедший адреналин, с неба лил проливной дождь, а мы танцевали посреди улицы. Не зная имен друг друга.

Мы с Давидом познакомились при опасных экстремальных обстоятельствах. Я сидела в кафе с подругой, которую давно не видела, и так с ней заболталась, что потеряла счет времени.

Было одиннадцать часов, когда мне позвонила мама с криком, где я и когда приду домой. Я быстро засобиралась, попрощалась с подругой и направилась в сторону метро. Было темно и холодно, я куталась в плащ.

Дорога до метро была длинной, я немного заблудилась. Тогда в конце нулевых у меня был кнопочный телефон без интернета и навигатора. Я куда-то забрела, стала нервничать. Неожиданно поняла, что людей совсем нет. Ни прохожих, ни машин. Мне стало страшно. Я замерла в подворотне, вертела головой по сторонам. Вдали наконец-то показался человек. Я бросилась к нему, чтобы спросить дорогу до метро. Но приблизившись, поняла, что совершила ошибку и нужно бежать в обратную сторону.

Это был какой-то здоровый пьяный мужик.

— О, а ты откуда такая? — спросил вальяжным голосом.

Я развернулась, чтобы побежать обратно, но мужик схватил меня за руку и повернул обратно к себе.

— Сумочку гони, — обдал меня вонючим перегаром.

— Что!?

— Сумку гони, сказал.

У меня через плечо на длинном ремешке висела небольшая сумка. В ней был мобильный телефон, кошелек с наличными деньгами, паспорт, студенческий билет и что-то еще.

Я оторопела от приказа пьяного мужика, страх сковал тело.

— Оглохла, что ли? Сумку снимай давай, пока я сам ее с тебя не снял. — Он крепче стиснул мою руку.

Меня затрясло от ледящего душу ужаса. Я чувствовала, как шевелятся волосы на затылке. Тело стало ватным и непослушным.

— Очередная овца, блядь, — выругавшись, он достал из кармана продолговатый предмет. Нажал на кнопку, и появилось лезвие. Нож, дошло до меня.

Я машинально отпрянула назад, подумав, что мужик будет резать меня. Но он одним ловким движением руки срезал ремешок сумочки. Тут-то я и очнулась. Я начала верещать во все горло, вцепилась в свою сумку мертвой хваткой. Пользуясь тем, что мужик пьяный и слегка нерасторопный, дала ему коленом между ног.

Сейчас в свои тридцать четыре я понимаю, что играла с огнём. Он мог изнасиловать меня и зарезать. Но в семнадцать я очень беспокоилась о сумочке и ее содержимом, особенно о студенческом билете. Это же я не попаду завтра на пары, и мне поставят прогулы.

На мой крик кто-то прибежал.

— Грабитель! Грабитель! — кричала я. — Помогите!

Мужик продолжал крепко держать мою сумку и пытался подняться на ноги. Человек, появившийся на мой крик, быстро оценил ситуацию и со всей силы дал грабителю по морде. Тот вообще свалился на землю. Он лежал без чувств и даже выпустил из руки ремешок моей сумки.

— Господи, мамочки, вы что, убили его!? — меня снова парализовало от страха.

Человек — им оказался мужчина, а я сразу даже не заметила этого — склонился к грабителю и приложил два пальца к шее.

— Пульс есть, жить будет.

По голосу мне показалось, что мужчина молодой. Затем он повернулся ко мне, и я посмотрела на него при свете фонаря. Так и оказалось. Это был достаточно молодой парень. Но все же старше меня.

— Ты в порядке? — оглядел меня с головы до ног.

Я кивнула.

— Он точно живой?

— Точно-точно. Пойдем отсюда. Ты вообще куда шла?

— К метро.

— Оно в другой стороне.

— Я заблудилась.

— Пойдём провожу. Или если хочешь, можем вызвать полицию.

Я хоть и была первокурсницей юридического факультета, а перспектива общаться с правоохранительными органами меня не прельщала.

— Нет, мне надо домой.

— Тогда пойдем, я провожу тебя.

Но я продолжала стоять на месте, словно к земле приросла. Тогда незнакомец взял меня за руку и потянул за собой.

Его ладонь оказалась теплой и мягкой. Наверное, я должна была бы испугаться прикосновения нового незнакомого мужчины, но мне почему-то не было страшно. Парень повёл меня за собой, и я послушно пошла, каким-то шестым чувством понимая, что ничего плохого мне с ним не грозит.

Несмотря на ощущение защищенности рядом с незнакомцем, мое сердце все равно тарахтело в ушах, а всю меня колбасило так, словно я на американских горках покатаюсь. Я не могла успокоиться, даже когда мы вышли на шумную оживленную улицу с массой машин, людей и круглосуточных заведений.

Неожиданно парень резко остановился.

— Да не трясись ты так. Все хорошо.

Он улыбнулся. Его улыбка откликнулась во мне. Несколько мгновений я смотрела на него, как замороженная, а потом внутри будто чеку сорвало.

Я согнулась и начала рыдать.

— Эй, ты чего, — незнакомец подскочил ко мне, взял мое лицо в ладони. Меня колотило дрожью. Страх от пережитого выплескивался наружу. Там в подворотне меня сковало от ужаса, я бросилась в бой за свою сумку, находясь в состоянии аффекта и шока. А сейчас меня отпустило, и я не могла успокоиться, слезы градом текли из глаз. Я захлебывалась рыданиями.

Поняв, что успокоить словесно не получится, парень обнял меня. Вот просто взял и обнял двумя руками. Я уткнулась ему в куртку, сквозь забитый нос вдохнула приятный мужской запах и... вдруг ощутила, что я там, где надо, и с тем, с кем надо.

Это было совершенно странное и необыкновенное чувство, которое я не испытывала никогда и ни с кем прежде. Я рыдала незнакомцу в грудь, всхлипывала и точно осознавала: я в нужном месте, в нужное время и с нужным человеком. Как бы странно это ни было. Он держал меня обеими руками, и я не хотела выпутываться из объятий.

Меня привела в чувство неожиданно зазвучавшая громкая музыка. Я дернулась и отпрянула от незнакомца. Оглянулась. Оказалось, мы стоим у популярного бара, и сейчас там началось веселье. Над входной дверью висели большие колонки, и из них лилась та же музыка, что играла в заведении.

— Потанцуем? — прозвучало насмешливо над ухом.

Я подняла ошарашенный заплаканный взгляд на незнакомца. Адреналин снова забегал по венам. Но уже адреналин другого рода. Он был вызван столь близким присутствием этого парня. Незнакомец опустил руки мне на талию. Я механически положила одну ладонь ему на плечо. Положить вторую я не могла, потому что сжимала в ней сумочку с перерезанным ремешком.

И мы начали двигаться под музыку из колонок бара. В двенадцать ночи. Посреди широкого тротуара, по которому, несмотря на позднее время, сновали люди. Они налетали на нас, ругались, возмущались, что мы стоим посреди пути и не даем пройти. А мы не слышали. Мы танцевали.

Это было максимально странно, учитывая, что я совсем недавно пережила нападение грабителя. Мы крутились вокруг себя и смотрели друг на друга. Тонули друг в друге. Утопали с головой. Наши взгляды переплетались, связываясь, образуя крепкую неразрывную нить. Это было что-то совершенно необыкновенное и магическое. Как будто время остановилось. Как будто весь мир перестал существовать.

А потом хлынул дождь. Холодный осенний дождь, из-за которого людей на тротуаре стало заметно меньше. А мы, как два идиота, продолжали танцевать. Моя сумочка вибрировала входящими звонками от мамы. Но я не слышала их и не чувствовала вибрации телефона.

«Это навсегда», вдруг подумала я, глядя в темные глаза моего спасителя.

Глава 19. Всё разрушил

Рядом с нами становятся еще несколько танцующих пар. Давид не просто держит меня за талию, а обнимает. Он склонился лбом к моей голове и такое ощущение, что дышит мною. Меня одолевает буря чувств. Объятия Давида приятны, но я не могу полностью утонуть в них. Такое ощущение, что между нами стоит другая женщина. Вот прямо здесь и сейчас, несмотря на то, что я вплотную к телу Давида. Я пытаюсь, но не могу избавиться от ощущения, что нас не двое, а трое.

Я блуждаю глазами по залу с гостями, пока мой взгляд не наткнется на Майю и Тимура. Они разговаривают у бара. Тимур захлеб что-то рассказывает моей дочери, а она слушает его чуть ли не с открытым ртом.

Готова поспорить на что угодно: Майя расспрашивает Тимура про учебу в Америке.

— Майя заявила, что хочет поехать учиться в США, — с возмущением выпаливаю Давиду.

Муж слегка отстраняется от меня, удивленно приподнимает бровь.

— С чего вдруг такое желание?

— Понятия не имею. Откуда она только взяла это.

— Ну если хочет, пускай едет. Сильно дорогой вуз она выбрала?

Оторопело тарашусь на Давида.

— Ты в своем уме? — повышаю голос. — Никакой Америки.

— А что такого? Если ребенок хочет.

Я не могу поверить, что Давид это серьезно.

— Давид, ты понимаешь, что она будет одна не просто за тысячи километров от нас, а вообще за океаном!? На другом континенте! И это всего лишь в восемнадцать лет.

Муж смеется.

— Вера, нужно уметь отпускать детей.

— Я понимаю, но у всего должны быть разумные рамки. Я готова отпустить Майю в восемнадцать лет в другую квартиру, но не в другую страну и не на другой континент.

Я осуждающе качаю головой, а Давид лишь снисходительно улыбается, глядя на меня. Тимур закончил рассказ, Майя коротко что-то сказала, и айтишник пустился в новый длинный рассказ. Да она у него прям интервью берет и с таким восторгом смотрит. Меня охватывает злость на Тимура. Сейчас он распишет, какая Америка прекрасная и еще больше подбоьет Майю на отъезд туда. Замолчал бы уже, честное слово. Зачем он вообще с ней разговаривает? Или думает подобраться ко мне, заполучив расположение моей дочери? Это не сработает.

Когда заканчивается песня, я выпутываюсь из рук Давида и направляюсь напрямик к Тимуру с Майей. Нечего вешать моей дочке лапшу на уши.

— О, Майя, вот ты где, — становлюсь рядом. — О чем разговариваете?

— Мама, Тимур так интересно рассказывает про учебу в Америке! — глаза дочки сияют щенячьим восторгом.

Как я и думала.

— Я пообещал Майе узнать насчет академий живописи в США, — Тимур обворожительно улыбается.

Зрительно посылаю ему сигнал не делать этого. Но не уверена, что он его понял. Ладно, потом выскажу Тимуру все, что я об этом думаю. Я беру дочь под руку и увожу от айтишника подальше. Вечер в самом разгаре. Гости пьют, едят, смеются, веселятся. А я чувствую усталость. Прилечь бы отдохнуть.

Но еще три часа я выдерживаю. Ноги на шпильках болят и гудят, рот устал разговаривать и улыбаться. В десять вечера я прощаюсь со всеми и вместе с дочкой ухожу в наш гостевой

дом. Майя скрывается в своей комнате, а я захожу в спальню для меня и Давида. Я надеюсь, он сам догадается, что в одной постели мы спать не будем, и куда-нибудь уйдет.

Но когда я возвращаюсь в спальню из душа, Давид здесь. Уже разделся по пояс. От удивления я торможу на пороге.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю возмущенно.

— Пришел спать.

Я на мгновение теряю дар речи.

— Я не буду спать с тобой в одной постели, — заявляю после паузы.

— Вера, в доме больше нет спальных мест.

— Меня это не волнует. Значит, иди спать в машину. Или можешь поехать к своей этой. Замолкаю. Вымолвить ее имя не могу.

Медленным шагом Давид направляется ко мне. Тормозит вплотную, обдавая своим мужским запахом. Я инстинктивно вдыхаю поглубже, и нервы моментально в оголенные провода превращаются. Давид с голым торсом. Раньше я бы прижалась к нему и стала целовать, но сейчас представляю, как его целовала другая. Боль снова пронзает меня с головы до ног.

— Я не собираюсь к ней ездить и она не моя. Вера, я повторяю еще раз: мне нужна только ты. Я люблю только тебя.

— Почему ты не подумал об этом, когда ложился с ней в постель? — спрашиваю глухо. Голос сел от скопившихся в горле слез.

— Потому что я был сильно пьян и думал только одним местом.

Я до сих пор не могу поверить, что Давид разрушил нашу семью из-за банальной животной похоти. Разве такое возможно? Шестнадцать лет счастливого брака, дочь, общий бизнес — все сломал, потому что просто встал член!?

— Вера, я раскаиваюсь. Я говорил тебе об этом сотню раз и готов повторить еще столько же.

— Ты променял нашу семью на банальный трах по пьяни? Я правильно поняла?

Я все еще не могу поверить, что это так.

— К сожалению, да, — признается с горечью. — Я был пьян. Я совершил ошибку.

Всё. Не могу больше находиться с Давидом в одном помещении. Меня разрывает на части. Я бросаюсь к своему маленькому чемодану и достаю оттуда удобную одежду.

— Что ты делаешь?

Я не отвечаю на вопрос Давида. Скидываю с себя шелковый халат, надеваю джинсы, свитер.

— Вера, куда ты собралась?

— Я больше не останусь с тобой в одной комнате, — рычу и надеваю куртку.

— Вера, успокойся, ночь на улице.

Давид порывается взять меня за руку, но я останавливаю его жестом.

— Не смей прикасаться ко мне. Слышишь? Больше никогда не смей ко мне прикасаться.

— Я не отпущу тебя одну на улицу ночью.

— Если ты будешь меня удерживать, то я прямо сейчас все расскажу Майе. Пускай наконец-то узнает, что на самом деле представляет из себя ее папаша.

Моя последняя угроза имеет эффект. Давид осекается. Пользуясь секундной заминкой, выскакиваю из комнаты. Под дверью Майи горит полоска света, поэтому из дома выхожу тихо.

В ресторане еще продолжается веселье, часть гостей там и спать, по всей видимости, не собирается. Я не хочу никого видеть, поэтому иду к озеру. В лицо дует холодный ветер, но я не чувствую озноба. Наоборот я киплю и взрываюсь.

Давид и ранее, когда извинялся за измену, говорил, что был пьян, тот секс ничего не значил, это ошибка и так далее. И я вроде как понимала, что это была одноразовая измена. Но сейчас, в полной мере осознав, что Давид похерил всю нашу жизнь из-за банальной животной

похоти, просто потому что встал член, а он не смог этому сопротивляться, я хочу кричать и рвать на себе волосы. И ведь член встал не просто на кого-то, а именно на нее. На Зою. От этого боль усиливается в геометрической прогрессии.

Я приваливаюсь спиной к дереву и зажимаю ладонью рот, чтобы в тишине природы не было слышно моего плача. Из ресторана доносятся отголоски громкой музыки, на веранде заведения слышится пьяный смех. Сейчас это походит на веселье во время похорон.

Всё кончено. Жизнь кончена. В понедельник я пойду подавать на развод. Хватит тянуть эту ляжку.

— И снова ты портишь свое красивое лицо слезами, — звучит сбоку.

Глава 20. Голая правда

Быстро смахиваю с лица слезы, хотя понимаю: поздно, Тимур уже все увидел и понял.

— Ты следишь за мной?

— Нет.

— Тогда что это за странная случайная встреча?

Он издает смешок.

— Я стоял на веранде ресторана, когда увидел, как ты выскочила из дома и бегом побежала к озеру. Решил подойти, поинтересоваться, не требуется ли тебе помощь.

— Не требуется. Можешь уходить.

Но Тимур никуда уходить не собирается. Он подходит ко мне ближе и опускается одной рукой на дерево возле моей головы.

— А все еще хуже, чем я думал.

— Ты про что?

— Про твою семейную жизнь. Не хочешь рассказать?

Я уже устала пребывать в шоке от бесцеремонности и наглости пацана. Пора воспринимать его поведение как что-то нормальное и само собой разумеющееся.

— Про свою семейную жизнь ничего рассказывать не хочу. Но хочу сказать кое-что другое.

— Что?

— Чтобы ты перестал вешать моей дочке лапшу на уши про свою Америку, — мой голос приобретает воинственные нотки. — Нечего пудрить ребенку мозги и подбивать на отъезд в другую страну. Если ты хочешь сделать для меня что-то хорошее, то лучше расскажи Майе, как в Америке плохо и ужасно.

В ответ на мою резкую бескомпромиссную речь Тимур звонко смеётся.

— Что смешного?

— Ты не сможешь удерживать ребенка возле себя вечно. Однажды настанет день, когда она захочет жить своей жизнью, а не твоей.

— Тебя это не касается. Я требую, чтобы ты перестал пудрить моей дочери мозги своей Америкой. Я понятно изъяснилась?

— Твоя дочь задала мне вопросы, а я честно на них ответил.

— Что именно — честно?

— Что учеба и жизнь в США — это прекрасный опыт.

— Не всегда следует говорить правду.

Эта фраза вырывается быстрее, чем я успеваю осознать ее смысл и роль в моей жизни. Что я бы предпочла: узнать об измене Давида или не узнать и жить счастливо дальше? Сложных вопрос. Ответа нет.

— Я не увидел причин лгать Майе.

— Короче, ты меня понял. Хватит петь моей дочке песни про Америку.

Тимур безразлично пожимает плечами.

— Как скажешь.

Проходит несколько мгновений прежде, чем Тимур абсолютно спокойно и буднично предлагает:

— Пойдём ко мне в дом?

Отрываю взгляд от озера и перевожу на пацана.

— Не поняла.

— Холодно, ты без шапки, вся дрожишь. Пойдем в гостевой дом, который мне выделен?

Я все еще в замешательстве от такого предложения. Хотя давно пора перестать теряться от поведения и фраз Тимура.

— Ты в своем уме? Можешь не отвечать, я знаю, что нет. Но просто представь на секунду, как это будет выглядеть в глазах других сотрудников, которых поселили с тобой в один дом.

— А их нет. Я в доме один.

— Что значит один? — хмурюсь. — Сотрудников расселили по несколько человек в дом.

— Да, мои соседи — Вова и Андрей. Но они решили уехать. У Вовы недавно родился ребенок, а Андрею позвонила жена и срочно вызвала домой.

Я недовольно вздыхаю. Спрашивали же заранее, кто останется ночевать, а кто нет. Кому оплачивать проживание, а кому нет. Эти сначала согласились, мы оплатили им номера, а теперь они решили уехать. Прекрасно.

— Хватит делать вид, что тебе не холодно. Ты от своей гордости сляжешь завтра с температурой.

Если отбросить, что пацан меня раздражает, то он прав. На улице промозгло и холодно. А у меня ни шапки, ни шарфа, ни перчаток. Есть два варианта, куда податься: в ресторан к пьяным гостям или в дом к Давиду. Ни туда, ни туда я не хочу. Правда, я и к Тимур не хочу. Но он — наименьшая из зол.

— Я бы выпила чаю.

— Пойдем.

Пацан ведет меня к своему гостевому дому не по асфальтированной дорожке, освещенной фонарями, а по темному газону. Чтобы нас никто не увидел вместе, догадываюсь. Это правильно. Но я начинаю переживать за его белоснежные кроссовки. Как бы не испачкал.

Тимура поселили в домике за рестораном, в прямо противоположной стороне от нашего с Давидом. Оказавшись в тепле, меня начинает потряхивать еще больше. Тимур снимает кроссовки (он их не испачкал! Это определенно талант — не пачкать белую обувь), шагает к кухонной зоне и нажимает кнопку на чайнике. Достает из шкафчика кружки, бросает в них пакетики. Я нахожу в обувнице еще одну пару гостевых одноразовых тапок, вешаю куртку в шкаф. Потом подхожу к кухонному острову и сажусь на высокий стул.

Я чувствую себя растерянно. Потому что ситуация максимально странная. Вдруг понимаю, что никогда прежде не оставалась наедине с чужим и посторонним мужчиной, который не скрывает свою симпатию ко мне. Вернее, оставалась, но один раз и давно. А именно — семнадцать лет назад с Давидом, когда мы только познакомились.

— Не бойся меня, — Тимур мягко улыбается. — Я не кусаюсь.

— Я не боюсь. Просто... — замолкаю.

— Просто это все очень ново для тебя, — читает мои мысли.

— Да.

Тимур ставит на остров две кружки чая и садится на стул напротив.

— Предлагаю поиграть в голую правду?

Делаю маленький глоток горячего напитка.

— Что такое голая правда?

— Это очень-очень большое откровение. Из той серии, которое обычно не говорят.

Признание Давида в измене — это голая правда. Я на секунду задумываюсь. Хотелось бы мне слышать всегда от людей голую правду? В теории кажется, что да. А на самом деле? Не уверена.

— Ну давай.

В данный миг меня охватывает азарт, что ли. С Тимуром все воспринимается как игра.

— Для меня все это тоже ново. Прежде я никогда не западал на замужних женщин с детьми ощутимо старше меня.

Ухмыляюсь. Хочется спросить: а на кого ты западал раньше? У меня вдруг появляется любопытство узнать о Тимуре побольше. Надеюсь, игра в голую правду поможет в этом.

— Твоя очередь.

— Ко мне никогда не клеились сопляки.

Тимур громко смеется, и постепенно я тоже заражаюсь его смехом. Делаю еще один маленький глоток чая и наконец-то чувствую, что согрелась. А вместе с теплом приходит и расслабление. Шею и лопатки больше не сводит от напряжения. Мне комфортно наедине с Тимуром.

— Теперь твоя очередь говорить голую правду, — поторапливаю. Он задумывается. — Я хочу услышать по-настоящему голую правду, — меня реально охватил нешуточный азарт.

Тимур выгибает бровь.

— Ты же понимаешь, что это дорога с двусторонним движением. Тогда и тебе придется говорить *по-настоящему* голую правду. Я уже молчу о том, что моя голая правда может тебе не понравиться.

Киваю. Я готова.

— На прошлой неделе я занимался сексом с девушкой и представлял на ее месте тебя. Особенно, когда она делала мне минет.

Меня обжигает краской. Опешив, я смотрю на невозмутимого Тимура. Блин, а это реально *голая правда*. Такая, которую не каждому скажешь. И которую не каждый захочет услышать.

— Ну хорошо хоть не когда дронишь, — выпаливаю после очень долгой паузы.

— Когда дронишь, тоже тебя представляю. Это должно было стать моей следующей голой правдой. Считай, ты услышала две голые правды подряд, так что я тоже жду от тебя две. А почему ты так покраснела?

Я, наверное, похожа на помидора, потому что чувствую, как у меня горят даже кончики ушей. Это... это...

Мне никто никогда не говорил ничего подобного.

— Кхм... — растерянно провожу рукой по волосам.

— Твоя очередь говорить две голые правды.

Я смущенно опускаю глаза в кружку.

— Мне нравится твое внимание ко мне.

Может, мое признание не такое откровенное, как минуту назад у Тимура, но для меня важный шаг — сказать это вслух. И сказать об этом не только себе, но и ему.

Тимур ни сколько не удивляется.

— Вторая голая правда?

Я приподнимаю уголки губ в горькой печальной улыбке.

— Мой муж изменил мне.

Тимур спокойно делает глоток чая.

— Примерно что-то такое я и подозревал.

Я снова опустила глаза в кружку. Против моей воли из них закапали слезы. Они скатываются по лицу крупными градинами и падают в чай.

Черный чай со вкусом слез разочарованной тридцатилетней женщины. Интересно, если в ресторанах сделать напиток с таким названием, он будет популярен?

Тимур спрыгивает со стула, обходит остров и останавливается вплотную. Поднимаю на него лицо.

— Ты антисексуальна, когда плачешь.

— Это твоя голая правда?

— Да.

Почему-то признание вызывает во мне смех. И эта голая правда имеет действие: я вытираю щеки.

— Когда сегодня ты поцеловал меня в шею, я испытала сексуальное возбуждение. Это был первый раз в моей жизни, когда я испытала сексуальное возбуждение к кому-то помимо своего мужа.

Знаю: я говорю неподобающие вещи для взрослой замужней женщины. Но мне наплевать. Наверное, я дошла до той степени отчаяния, когда реально наплевать на все.

— Твоя голая правда, — тороплю Тимура.

— У меня стоит на тебя член.

Он выпаливает это, ни секунды не задумываясь. Его признание пронизывает меня с головы до ног. Я замираю на миг. Несколько раз моргаю. А затем машинально опускаю глаза на ширинку и реально вижу выпирающий под джинсами член.

Эрекция Тимура в совокупности с его голой правдой провоцируют ответную реакцию моего тела. Дыхание сбивается, между ног заныло, а под кашемировым свитером напряглись соски.

Мне вдруг становится страшно. Страшно от того, как мое тело отреагировало на Тимура. Второй раз за этот вечер.

— Жду твою голую правду, — пацан склоняется ко мне ниже. Его дыхание колышет волосы на макушке. Поднимаю на айтишника лицо. Сердце затарахтело, в ушах зашумело.

Моя очередь говорить голую правду. И я говорю:

— Я хочу заняться с тобой сексом прямо сейчас.

Глава 21. Белое пальто

Когда я произносила свою голую правду, я не думала, что Тимур отреагирует на нее так быстро. Я полагала, наша игра продолжится. Но вместо того, чтобы сказать признание в ответ, Тимур накрывает мои губы своими.

Это настолько неожиданно, что я каменею. Тимур обхватывает мое лицо руками, усиливает поцелуй, скользит своим языком по моему. Я не могу шелохнуться. Ни ответить на его поцелуй, ни оттолкнуть.

Его губы мягкие, несмотря на то, что очень настойчивые. И у Тимура есть свой вкус. Совсем не такой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.